

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
КЫРГЫЗСКО-РОССИЙСКИЙ СЛАВЯНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
Кафедра истории и теории литературы

Б. Т. КОЙЧУЕВ

**«ПЕРСИДСКИЕ МОТИВЫ» С.А. ЕСЕНИНА:
ДИАЛОГ КУЛЬТУР**

Учебно-научное пособие

Бишкек – 2012

УДК 82/821.0
ББК 83
К 59

Рецензенты

А.С. Кацев – д-р филол. наук, профессор
В.И. Шаповалов – д-р филол. наук, профессор

*Рекомендовано к изданию
кафедрой истории и теории литературы,
Научно-техническим советом ГОУВПО КРСУ*

Койчув Б.Т.

К 59 «ПЕРСИДСКИЕ МОТИВЫ» С.А.ЕСЕНИНА: ДИАЛОГ
КУЛЬТУР: учебно-научное пособие. Б.: КРСУ, 2012. 99 с.

ISBN 978 – 9967 – 05 – 798 – 2

Пособие посвящено раскрытию диалога российской и исламской культур в творчестве С. Есенина. Представлен обзор исторической фактологии обращения поэта к восточно-мусульманской поэтической культуре. Объект литературоведческого анализа – цикл «Персидские мотивы», в котором выявляются поэтические мотивы и образы, выражающие сложный синтез традиций русского и восточного поэтического слова.

Пособие может быть использовано при изучении творчества С. Есенина в высших и средних учебных заведениях, представляет интерес для исследователей творчества поэта и любителей русской и восточной словесности.

К 4603020000–11

ISBN 978 – 9967 – 05 – 798 – 2

УДК 82/ 821.0

ББК 83

© Б.Т. Койчув, 2012

ВВЕДЕНИЕ

Творчество С.А. Есенина осмысливается, прежде всего, с российской культурой, как воспевание «Руси уходящей». Действительно, глубинная суть поэзии С.А. Есенина уходит в «почву» рязанских раздолий, «волнистую рожь при луне». Однако творческая восприимчивость автора, расширение поэтического кругозора и жизненного опыта привели С. Есенина к открытию своего Востока, выразившемуся в поэтическом цикле «Персидские мотивы» – своеобразном синтезе традиций русского и восточного поэтического слова.

Тема Востока в творчестве С. Есенина и «Персидские мотивы» становились объектом литературоведческого анализа, в частности в трудах В. Белоусова и В. Тартаковского¹, внесших большой вклад в изучение творчества поэта. Вместе с тем представляется, что реалии современной культуры требуют дальнейшего осмысления данной темы. Новые грани в изучении восточной темы в творчестве С. Есенина открылись, кроме всего прочего, после того, как его произведения были переведены на языки народов мира, в том числе и восточно-мусульманских. Стихотворения С. Есенина обрели новые читательские и литературоведческие интерпретации носителей собственно исламской цивилизации, открывающие новые аспекты восточно-русских культурно-эстетических взаимодействий.

В представляемой работе, наряду с изложением исторической фактологии пути С. Есенина на Восток, реализована попытка анализа поэтики «Персидских мотивов» в контексте фарсиязычной лирической поэзии.

Автор делится с читателями своими литературоведческими наблюдениями и соображениями – например, о художественном смысле мотива «чадры» в «персидском цикле» С. Есенина; о параллелях между микрообразами этого цикла с конкретными строками произведений некоторых поэтов Востока; об основном пафосе данного цикла; своеобразии лирического мироощущения и, соответственно, поэтики произведений С. Есенина и русских поэтов Кыргызстана С. Суловой и В. Шаповалова; о том, чем есенинские стихи

¹ *Белоусов В.* Персидские мотивы. М.: Знание, 1968.; *Тартаковский П.* Русская поэзия и Восток. 1800–1950. Опыт библиографии. М., 1975.; *Тартаковский П.* Свет вечерний шафранного края... (Средняя Азия в жизни и творчестве Есенина). Ташкент: Литература и искусство, 1981.

увлекли поэтов, переводивших их на киргизский язык; о специфике восприятия «Персидских мотивов» представителями иранской культуры и др.

Учебно-научный характер издания определил его структуру, которая состоит из двух частей, соответствующих учебным и научным целям работы. Часть I. «Персидские мотивы» С.А. Есенина: диалог культур» включает в себя параграфы: §1. Путь С. Есенина к Востоку; §2. Синтез традиций русского и восточного поэтического слова; §3. «Персидские мотивы» С. Есенина на киргизском языке. В этой части работа представляет собой обзорный очерк фактографии обращения русского поэта к фарсиязычной поэтической культуре. Анализ поэтики «Персидских мотивов» и наблюдения над восприятием их представителями иранского мирозерцания позволяют выявить своеобразие есенинского дискурса мусульманской культуры.

Во второй части представлены материалы для учебной и научной работы, включающие в себя: Приложение 1. Стихотворения С.А. Есенина (тексты «Персидских мотивов» на русском и киргизском языках); Приложение 2. Стихи восточных поэтов, упоминаемых С.А. Есениным: Фирдоуси, Омара Хайяма, Саади, Хафиза); Приложение 3. Стихи о Востоке русских поэтов Кыргызстана» (С.Г. Суловой и В.И. Шаповалова); Приложение 4. Глоссарий восточной лексики. Приложение 5. Библиография.

Материалы учебно-научного пособия могут быть использованы при изучении курсов истории русской и центрально-азиатской литературы, спецкурсов, посвящённых творчеству С.А. Есенина, написании курсовых, дипломных работ и диссертационных исследований.

ЧАСТЬ I. «ПЕРСИДСКИЕ МОТИВЫ» С.А. ЕСЕНИНА: ДИАЛОГ КУЛЬТУР

§1. Путь С. Есенина к Востоку

Взаимоотношения культур России и Востока уходят своими корнями вглубь веков. Это обусловлено экономическими, политическими и историко-культурными особенностями развития данных регионов, самим их географическим местоположением.

Известно, что уже древнерусская культура имела взаимосвязи с литературами византийского и восточного средневековья. В последующие века приобщение русской литературы к восточной тематике становится все более интенсивным. М.В. Ломоносов, Я.Б. Княжнин, Г.Р. Державин, И.А. Крылов, В.А. Жуковский, А.С. Пушкин, А.А. Бестужев-Марлинский, М.Ю. Лермонтов, В.И. Даль, А.А. Фет и многие другие обращали свои взоры к загадочному Востоку. В XX в. мотивы восточной поэзии нашли свое отражение в творчестве русских поэтов М.М. Кузмина, Вяч. И. Иванова, В.Я. Брюсова и едва ли не всех виднейших поэтов XX столетия².

Особое место тема Востока занимает в творчестве «певца Руси» Сергея Есенина. В 1923 году в Париже С. Есениным было написано стихотворение «Эта улица мне знакома...». Есть здесь такие строки:

Голос громкий и всхлипень зычный,
Как о ком-то погибшем, живом.
Что он видел, верблюд кирпичный,
В завывании дождевом?

Видно, видел он дальние страны,
Сон другой и цветущей поры,
Золотые пески Афганстана
И стеклянную хмарь Бухары.
Ах, и я эти страны знаю –
Сам немалый прошел там путь².

Интересно, что образ Востока, навеянный, в данном случае, воспоминаниями о посещении Центральной Азии, возникает у С. Есенина в Европе. За год до этого в письме Анатолию Борисовичу Мариенгофу из далекого европейского города Остенде он

² См. приложение к учебно-научному пособию.

писал: «Вспоминаю сейчас о Клопикове и Туркестане. Как все это было прекрасно! Боже мой! Я люблю себя сейчас даже пьяного со всеми моими скандалами...

В Самарканд – да поеду-у я,
Там живёт – да любовь моя...



Париж, 1923

Чёрный Мартышан! Слышишь ли ты меня? Лучше жениться на «доге» и ждать, когда придёт потенция поцелуя, чем сесть духовно здесь ради мариенгофских фонтанов, ну ее к черту, красоту смерти и смерда – мне живому, пусть это будет... Даже рраззгенииаль-но-о!»³.

Находясь в одной общественно-культурной атмосфере, художник устремляет свой поэтический взор к иной культуре, к далекой, но столь притягательной для него стране. Строки из процитированного выше стихотворения: «Ах, и я эти страны знаю – /Сам немалый прошел там путь», – не следует воспринимать в буквальном смысле. Непосредственное знакомство поэта с Востоком было достаточно кратковременным, а в столь желанной ему Персии поэт так и не побывал. Однако строки эти имеют глубоко символическое значение, ибо устремления души Сергея Есенина, поэтическая фантазия и талант

³ Есенин С. Собр. соч. в 3-х томах. – М.: Правда, 1977. Т. 3. С. 269 // Далее ссылки на страницы данного издания даются в тексте.

подлинного творца не только позволили ему понять и принять многое в древней художественной культуре Востока, но и вдохновили на создание оригинальных поэтических строк, проникнутых его духом.

Необходимо отметить, что отношение к восточной тематике в творческом сознании русского поэта претерпело определенную эволюцию по мере углубления его знаний о Востоке. 26 июня 1920 г. в письме к своему другу А.В. Ширияевцу (поэтический псевдоним А. Абрамова), жившему в Ташкенте, С. Есенин укоряет его в чрезмерном увлечении Востоком: «Пишешь ты много зрящего, особенно не нравятся мне твои стихи о Востоке. Разве ты настолько осартился или мало чувствуешь в себе притока своих родных почвенных сил?» (с. 253).

Вместе с тем заметим, что позднее многие мотивы стихов А. Ширияевца получают свое дальнейшее развитие именно в произведениях С. Есенина. Подробный сопоставительный анализ их дан в монографии П. Тартаковского «Свет вечерний шафранного края...». Исследователь делает вывод: «Сходство поразительное, в отдельных “блоках” – просто буквальное...»⁴.

В 1921 г. Сергей Есенин, по воспоминаниям В. Вольпина, «рассказывал, что пишет “Пугачева”, что собирается поехать в киргизские степи и на Волгу, хочет проехать по тому историческому пути, который проделал Пугачев, двигаясь на Москву, а затем побывать в Туркестане, который, по его словам, давно уже его к себе манит:

– Там у меня друг большой живет, Шурка Ширияевец, которого я никогда не видел, – говорил он оживленно»⁵.

Поездка в Среднюю Азию состоялась в том же году и произвела на поэта большое впечатление. Но тогда оно еще не было творчески преображено художественным сознанием поэта, не стало поэтическим фактом. Художник Фёдор Васильевич Лихолетов вспоминал: «Мне показалось, что Есенину очень понравилось в Туркестане. Иногда он говорил о той свободе от мелочных дел и ненужных затей, которую испытывал здесь, о счастье жить, как хочется, рядом с милыми и добрыми людьми, под этим вечно голубым, жарким небом, среди зеленых садов и журчащих арыков (он называл их ручьями). Но когда я однажды спросил его, мог бы он написать о Востоке, о туркестанской природе, которая вдохновляет нас, русских художни-

⁴ Тартаковский П. Свет вечерний шафранного края... 1981. С. 51.

⁵ Жизнь Есенина. Рассказывают современники. М.: Правда, 1988. С. 271.

ков, он отрицательно замотал головой и сказал, что не представляет себе этого, что восточные стихи Ширияевца, хоть они и хороши, всё же слабее, как ему кажется, тех, где русская душа поэта рвётся из каждого слова»⁶.

Однако надо заметить, что отдельные образы и видение Средней Азии С. Есениным нашли свое отражение уже в произведениях тех лет, в частности в поэме «Пугачёв»:

Наши лодки заплещут, как лебеди, в Азию.
О Азия, Азия! Голубая страна.
Обсыпанная солью, песком и извёсткой.
Там так медленно по небу едет луна,
Поскрипывая колёсами, как киргиз с повозкой.
Но зато кто бы знал, как бурливо и гордо
Скачут там *шерстожёлтые* горные реки?
(выделено нами – Б.К.)

Приведённые строки свидетельствуют о непосредственном соприкосновении поэта с природой описываемого края. Тому есть свидетельства современников. В уже процитированном воспоминании Ф.В. Лихолетова, зафиксированном П.И. Тартаковским, описывается поездка Сергея Есенина в предгорья Чимгана: «Я захватил с собой холст и краски, пытался воспроизвести какой-то пейзаж с буйной зеленью и бурной речушкой, клокотавшей между камнями. Есенин долго смотрел на неглубокий, но злой поток воды, сказал, что она похожа на верблюжью *шерсть*, и, вздохнув, вспомнил чистую голубую воду речушки своего детства»⁷ (выделено нами. – Б.К.).

Думается, что вполне правомерно П.И. Тартаковский проводит ассоциацию между словами С. Есенина о воде, похожей на верблюжью шерсть, и строками из поэмы: «Бурливо и гордо скачут там шерстожёлтые горные реки».

Поездка Сергея Есенина в Туркестан явилась первым соприкосновением писателя с Востоком, с его многогранной природой и культурой, вдохновившими впоследствии поэта на создание «Персидских мотивов», которые стали высокохудожественным образцом диалога русской и восточной классических традиций. Обращаясь к изучению «Персидских мотивов», почти все исследователи сходятся во мнении, что духовно-эстетические истоки их надо искать в

⁶ Тартаковский П. Цит. соч. С. 78.

⁷ Тартаковский П. Свет вечерний шафранного края... С. 77

Центральной Азии. Это вполне правомерно, и не только потому, что здесь впервые произошел личный контакт С. Есенина с культурой Востока, но прежде всего потому, что именно эта земля дала мировой культуре таких гениев художественного слова, как Рудаки, Фирдоуси, Омар Хайям, Руми, Саади, Хафиз и многих других.

Творчество центральноазиатских поэтов вдохновляло крупнейших писателей Запада и России на создание высокохудожественных произведений на восточные мотивы. Примером тому является творчество И.В. Гёте, Г. Гейне, П. Мериме, В. Гюго, А. Пушкина, М. Лермонтова, А. Фета, В. Брюсова... Сергей Есенин – создатель-творец цикла «Персидские мотивы» – занимает в этом ряду свое почетное место.

§2. СИНТЕЗ ТРАДИЦИЙ РУССКОГО И ВОСТОЧНОГО ПОЭТИЧЕСКОГО СЛОВА

Об истории рождения «Персидских мотивов» существуют различные версии. Так, по мнению С. Кошечкина, знакомство с фарсиязычными лириками произошло у Сергея Есенина только в Тифлисе (1924). Данную точку зрения подтверждают и воспоминания Николая Константиновича Вержбицкого: «Вот тут-то, на этих полках, и подвернулся мне томик “Персидские лирики X–XV веков” в переводе академика Корша. Я взял его домой почитать.

А потом он оказался в руках Есенина, который уже не хотел расставаться с ним. Что-то глубоко очаровало поэта в этих стихах....

Попов не стремился к знакомству с Есениным. Но когда я сообщил ему, что поэт с наслаждением читает и перечитывает Саади, Хайяма и Руми, он зашел к нам, и мы провели интересный вечер. Вениамин без конца рассказывал о Востоке, о Персии....

Как-то вечером, за ужином, Есенин прочел нам свое первое стихотворение из будущего цикла “Персидские мотивы”:

Я спросил сегодня у менялы,
Что дает за полтумана по рублю,
Как сказать мне для прекрасной Лалы
По-персидски нежное “люблю”?

Попов выслушал, подумал и сказал:

– А вот поверьте моему слову, Сергей Александрович, вы, конечно, и еще захотите писать про “персидское”, но каждый раз (я готов

голову отдать на отсечение) вы будете сворачивать на Рязань!»⁸.

Это было пронизательное предсказание: «Персидские мотивы», в сущности, и отражают своеобразную амбивалентность в восприятии и художественной интерпретации Сергеем Есениным восточной темы.

Но есть и другая версия о зарождении есенинского цикла. Так, В.Г. Белоусов, опираясь на конкретный фактический материал, указывает, что поэту задолго до упомянутого случая были уже знакомы переводы персидских поэтов, а том «Персидские лирики», попав в Тифлисе в руки Есенина, только лишь «напомнил ему о давнем намерении написать цикл персидских стихов»⁹.

Данная точка зрения нам кажется ближе к истине. Произведения персидских лириков, основные мотивы и дух их творчества, так или иначе должны были быть знакомы Сергею Есенину, хотя бы опосредованные творчеством западных и русских писателей, обратившихся к восточной тематике, созвучной традициям классической поэзии Востока. Ведь не случайно поэт стремился попасть в «далекий край» – в Персию, на «голубую родину Фирдоуси». Свое стремление он объяснял желанием творчески «учиться». В письме к Г.А. Бениславской он писал: «Поймите и Вы, что я еду учиться. Я хочу проехать даже в Шираз и, думаю, поеду обязательно. Там ведь родились все лучшие персидские лирики. И недаром мусульмане говорят: если он не поёт, значит, он не из Шушу, если он не пишет, значит, он не из Шираза» (С. 304). Кстати, эта восточная пословица будет перефразирована и использована С. Есениным в стихотворении «Руки милой – пара лебедей...»:

У всего своя походка есть:
Что приятно уху, что – для глаза.
Если перс слагает плохо песнь,
Значит, он вовек не из Шираза.

Мечте поэта так и не суждено было исполниться. В Персии он не побывал, она осталась для него далёким, недостижимым краем. Интересно, что в автобиографиях 1923–1924 гг. С. Есенин говорит о посещении Персии как об уже свершившемся факте: «Ездил по России: Мурманск, Соловки, Архангельск, Туркестан, Киргизские степи, Кавказ, Персия, Украина и Крым» (из автобиографии 1923 г.);

⁸ Жизнь Есенина. Рассказывают современники... С. 385.

⁹ Белоусов В. Персидские мотивы. М.: Знание, 1968. С. 16.

«Я был в Туркестане, на Кавказе, в Персии, в Крыму, на Мурманском побережье, Архангельске и на Соловках...» (из автобиографии 1924 г.) (С. 186–189).

Чем это обусловлено? Как объяснить? Поэтической фантазией? Верой в неизбежность этой поездки? Может быть, прав П. Тартаковский, заметивший: «Стремление Есенина попасть не просто на “Восток”, а именно в Персию граничило с тем фанатизмом, когда фанатическое обращается в фантастическое, а недостижимое кажется уже достигнутым, достоверным и реальным»¹⁰.



Город Шираз

Существует довольно распространённая легенда о том, будто Сергея Есенина, зная о его стремлении попасть в страну величайших восточных лириков, посадили на пароход и, проплавав некоторое время, высадили на богатой, экзотической ханской даче, сказав, что прибыли в Персию, и якобы поэт долго находился в заблуждении. В результате всего этого и появился цикл «Персидские мотивы». Данная история является всего лишь легендой, одной из тех красивых легенд, которые всегда сопровождают жизнь и творчество знаменитых писателей и в которых выражается любовь почитателей к ним.

Обстановка же, аналогичная персидской, на одной из бывших

¹⁰ Тартаковский П. Цит. соч. С. 126.

ханских дач в Мардакянах действительно была создана. Но поэт никогда не заблуждался относительно своего тогдашнего местонахождения. Да и стихотворения из «Персидских мотивов» начал писать раньше. Вот как эта история излагается непосредственным её свидетелем и участником П.И. Чагиным: «Первомай того года мы решили провести необычно. Вместо общегородской демонстрации организовали митинги в промысловых и заводских районах, посвященные закладке новых поселков, а затем – рабочие народные гулянья. Взяли с собой в машину, где были секретари ЦК Азербайджана, Сергея Есенина.

Вместе с партийными руководителями ходил он по рабочим казармам, читал рабочим стихи, пел частушки. После этого поехали на дачу в Мардакянах, под Баку, где Есенин в присутствии Сергея Мироновича Кирова неповторимо задушевно читал только что написанные печататься стихотворения из цикла “Персидские мотивы”.

Киров, человек огромного эстетического вкуса, в дореволюционном прошлом блестящий литератор и незаурядный литературный критик, обратился ко мне после есенинского чтения с укоризной: “Почему ты до сих пор не создал Есенину иллюзию Персии в Баку? Смотри, как написал, как будто был в Персии. В Персию мы не пустили его, учитывая опасности, которые его могут подстеречь, и боясь за его жизнь. Но ведь тебе же поручили создать ему иллюзию Персии в Баку. Так создай же. Чего не хватит – довообразит”.



С. Есенин и П. Чагин

И вот уже на следующий день я такую иллюзию создал. Поселил его на одной из лучших бывших ханских дач, с огромным садом, фонтанами и всяческими восточными затейливостями, – ни дать, ни взять Персия!»¹¹.

¹¹ Тартаковский П. Цит. соч. С. 126.

К созданию «Персидских мотивов» С. Есенин пришел не в результате какого-то отдельного случая, будь то непосредственное знакомство с переводами академика Ф.Е. Корша или пребывание в Мардакянах, а в ходе всего своего предыдущего творческого и личного пути. «Персидские мотивы» – это лирическая исповедь, выразившая состояние и сознание Сергея Есенина – человека и поэта – на том жизненном отрезке его судьбы.

В начале сентября 1924 г. С. Есенин приехал на Кавказ. Он был доволен тем, что уехал из Москвы, и писал друзьям, что вернется «не очень скоро. Не скоро потому, что делать мне в Москве нечего» (из письма Г.А. Бениславской от 20 октября 1924 г.). В это время им овладело настойчивое желание съездить в Персию (Иран) или Турцию. «Сижу в Тифлисе. Дожидаюсь денег из Баку и поеду в Тегеран. Первая попытка проехать через Тавриз не удалась», – писал он Г.А. Бениславской 17 октября 1924 г. Через три дня – ей же: «Несколько времени проживу в Тегеране». Приглашал другую московскую знакомую: «...на неделю могли бы поехать в Константинополь или Тегеран». Это намерение не оставляло его и позже. В январе 1925 г. он писал Г.А. Бениславской: «Мне 1000 р. нужно будет на предмет поездки в Персию или Константинополь».

В следующий свой приезд на Кавказ в апреле 1925 г. он сообщал: «Главное в том, что я должен лететь в Тегеран». Желание не осуществилось – ни в Тегеране, ни в Константинополе побывать ему не привелось. Обострённая тяга поэта к этим местам была связана с работой над «Персидскими мотивами»¹².

А.А. Козловский в комментариях к полному собранию сочинений С. Есенина, изданному в 1995 году, отмечает: «Восточная поэзия сыграла значительную роль в разработке художественной системы цикла. Подробно это рассмотрено в работах П.И. Тартаковского: «Русская советская поэзия 20-х – начала 30-х годов и художественное наследие народов Востока», Ташкент, 1977; «Я еду учиться...» («Персидские мотивы» Сергея Есенина и восточная классика) – в кн.: «В мире Есенина», М., 1986, С. 335–352. Одним из непосредственных источников для Есенина стала книга английского поэта Э. Фицджеральда «Омар Хайям. Рубаи», которая в переводе О. Руме-

¹² Козловский А.А. Комментарии // Есенин С. ПСС. М., 1995. Т.1.

ра вышла в Москве в 1922 г. Многие строки этого сборника находят отчетливые параллели в есенинском цикле....»¹³.

Стихотворения, вошедшие в цикл «Персидские мотивы», создавались в разное время. Тем не менее, в них можно обнаружить единый стержень: цикл объединен образом лирического героя, эволюцией его мирозерцания. Ярко выраженное личностное начало проявляется уже в первом стихотворении «Персидских мотивов»:

Улеглась моя былая рана –
Пьяный бред не гложет сердце мне.
Синими цветами Тегерана
Я лечу их нынче в чайхане.

Начальная строка стихотворения носит ярко выраженный автобиографический характер, задаёт особо доверительную интонацию циклу. После морально тяжелых для поэта поездок с Айседорой Дункан по Европе и Америке, а между ними – беспорядочной столичной жизни, нашедшей художественное выражение в «Москве кабацкой», Сергей Есенин стремится к обновлению.



Айседора Дункан и С. Есенин

Вместе с тем представляет интерес указание Хамидреза Аташбараба, что персидский читатель в указанных строках «сразу чувствует некий знакомый мотив». «Такой лейтмотив, – отмечает иранский исследователь, – как “былая рана”, характерен почти для всех средневековых персидских поэтов и мистиков. В сущности, персидская музыка и поэзия всегда были насыщены печальными мотивами, как будто тоска звенит из глубины тысячелетий этой древнейшей культуры. Даже тогда, когда одновременно рассказывается о многих мучениях и о счастье, то так или иначе печальное настроение доминирует. В персидской культуре всегда преобладали мотивы печали и угнетённости, обусловленные историческими причинами (от нападения арабов и в результате – разрушения персидской

¹³ Там же.

империи до уничтожения почти половины Персии монголами). Так что, по-видимому, с самых первых стрóf поэт создаёт атмосферу, родственную персидскому читателю¹⁴. В третьей строфе С. Есенин использует традиционный образ восточной поэзии – розу – символ красавицы, возлюбленной.

Угощай, хозяин, да не очень.
Много роз цветёт в твоём саду,
Незадаром мне мигнули очи,
Приоткинув чёрную чадру.

В. Белоусов, останавливаясь на анализе этого стихотворения, в частности на строках: *«Незадаром мне мигнули очи, / Приоткинув чёрную чадру»*, – высказал следующую мысль: «...В первом же стихотворении, написанном в Тифлисе и ставшем началом цикла, он избрал отнюдь не мотив персидской лирики X–XV веков, а актуальнейшую тему из жизни Советского Закавказья первой половины тридцатых годов – раскрепощение восточной женщины. Тема черной чадры не тревожила персидских классиков. Есенин не смог бы ее позаимствовать у них»¹⁵.

Нам так не кажется, представляется, что строки: *«Подарю я шаль из Хороссана // И ковёр ширазский подарю»* являются своеобразной реминисценцией известных строк Хафиза: *«Дам тюрчанке из Шираза Самарканд, а если надо – // Бухару! А в благодарность жажду родинки и взгляда»* (Перевод К. Липскерова)¹⁶, в которых есть намёк на чадру. Поэт готов отдать Самарканд и Бухару за то, чтобы красавица «приоткинула чёрную чадру».

Известна легенда, согласно которой Тамерлан, выслушав стихи Хафиза, пришёл в ярость и приказал доставить к нему поэта. Когда привели его, одетого в дервишское рубище, Тамерлан спросил: «Как смеешь ты отдавать в дар какой-то тюрчанке прославленные мной Самарканд и Бухару?». Поэт ответил: «О повелитель, иначе я не оказался бы в столь плачевном состоянии». Газель Хафиза: *«Дам тюрчанке из Шираза Самарканд, а если надо – // Бухару! А в благодарность жажду родинки и взгляда»* – одна из популярнейших в фар-

¹⁴ *Аташбараб Х.* Персидские мотивы в Иране // Сергей Есенин: диалог с XXI веком. Сборник научных трудов по материалам Международного научного симпозиума, посвящённого 115-й годовщине со дня рождения С.А. Есенина. – Москва – Константиново – Рязань, 2011. С. 270.

¹⁵ *Белоусов В.* Персидские мотивы. М.: Знание, 1968. С. 22.

¹⁶ См. приложение данного издания.

связанной поэзии. С именем Хафиза связан расцвет жанра газели в восточной поэзии, он довёл её до совершенства, придав каждому бейту многоумную афористичность и великолепную красоту звучания. Творчество Хафиза, безусловно, было известно С. Есенину.

К любопытным выводам при анализе данного стихотворения пришла студентка Ю.А. Акжолбекова: «В этих строках поэт пишет о чадра, и очень важно отметить один существенный момент. Сергей Есенин, скорее всего, имел в виду хеджаб (перс. *هجاب*, *hejab*), арабское слово, вошедшее с религией ислама в персидский язык, одним из символов которого является чадра. Для Ирана это понятие – целая культура, корни. Строки о “движении её стана, очи, которые мигнули, приоткрыв чадру” придают некий оттенок кокетства женскому образу. Заметим, что подобное поведение вовсе не свойственно восточным женщинам той поры»¹⁷.



Хафиз Ширази

«Чадра в разных видах, – пишет переводчик поэзии С. Есенина на иранский язык Хамидреза Аташбараба, – появилась в нашем зороастризме гораздо раньше, чем ислам. Она в первом своём историческом значении – преграда между Богом и его творением, а затем в нашем суфизме приобрела значение печали и скорби. Сразу видно, почему персидскому читателю чужды эти есенинские сравнения».

Кроме того, иранский переводчик обратил внимание на то, что образ «Синих цветов Тегерана» был переведён ранее, в 1967 году, как название одного лечебного растения «гол-гав-забан» (перс. *نابزواگلگ*, *golgav-zaban*), который тогда готовили и подавали в чайхане. Вместе с тем Хамидреза Аташбараба отмечает: «Персы,

¹⁷ См. Акжолбекова Ю.А. Интертекстуальность поэзии С. Есенина// Курсовая работа. Бишкек, 2011.

знающие русский язык и читающие этот текст в оригинале, понимают этот образ как характерный рисунок, традиционный орнамент, нарисованный и тогда, и даже сейчас на стенах любой восточной чайханы»¹⁸.

Выскажем мысль, что в анализируемом стихотворении С. Есенина ведущей является **не тема раскрепощения восточной женщины, а тема любви, преодолевающей запреты**.

К тому же надо иметь в виду, что затрагивая тему раскрепощения восточной женщины, актуальную и близкую его современникам, Сергей Есенин решает ее по-своему. В стихотворении нет социально-революционного пафоса, характерного для большого ряда произведений, касавшихся данной тематики. А отношение к «закрепощению» женщины раскрывается сквозь призму личного неприятия лирического героя. Подтверждением нашей точки зрения может быть и строфа:

Мы в России девушек весенних
На цепи не держим, как собак,
Поцелуям учимся без денег,
Без кинжальных хитростей и драк.

Своеобразная антитеза России и Востока, наметившаяся в данном стихотворении, пронизывает весь цикл.

Обратим внимание на строку: «На цепи не держим, как собак». Собака в традиционной мусульманской культуре – презираемое животное. У С. Есенина другое отношение к собакам. Вспомним стихотворение «Собаке Качалова»¹⁹, написанное в 1925, одновременно с созданием цикла «Персидские мотивы». Для С. Есенина, видимо, важен в данном случае акцент на **образе цепи** – символе несвободы.

В поэтике стихотворения обращает на себя внимание образное сравнение лица женщины с зарёй, что не характерно для восточной поэзии.

Ну, а этой за движенье стана,
Что лицом похожа на зарю,
Подарю я шаль из Хороссана
И ковёр ширазский подарю.

Мусульманской поэтической культуре более свойственен эпитет «луноликая». Для русской поэтической культуры как раз характерны

¹⁸ *Аташбараб Х.* Персидские мотивы в Иране // Сергей Есенин: диалог с XXI веком... Москва – Константиново – Рязань, 2011. С. 271.

¹⁹ См. приложение учебно-методического пособия.

сравнения женских образов с зарёй, типа «красна девица заря».

В поэтическом мире Сергея Есенина образ зари занимает особое место. Вспомним:

Я теперь скуперее стал в желаньях,
Жизнь моя, иль ты приснилась мне?
Словно я весенней гулкой ранью
Проскакал на розовом коне²⁰.

Тема любви, затронутая в первом произведении «Персидских мотивов», получила свое дальнейшее развитие и углубление во втором стихотворении цикла – «Я спросил сегодня у менялы...». Говорят, что эти строки также имеют жизненную основу. Современники С. Есенина вспоминают, что поэт, надеясь на скорую поездку в Персию, поменял у базарного менялы 30 рублей – «за полтумана по рублю».

Я спросил сегодня у менялы,
Что даёт за полтумана по рублю,
Как сказать мне для прекрасной Лалы
По-персидски нежное «люблю»?

Я спросил сегодня у менялы
Легче ветра, тише Ванских струй,
Как назвать мне для прекрасной Лалы
Слово ласковое «поцелуй»?

В комментариях А.А. Козловского отмечается: «*Лала* – пока сколько-нибудь определенной претендентки на то, чтобы значить прототипом этого образа, выдвинуто не было, хотя среди многолюдства, в котором Есенин жил на Кавказе, отыскать какую-нибудь “Лалу” не составляло труда. В.Е. Холшевников справедливо обратил внимание, что на фарси “Лала” (точнее, “лала”) значит “тюльпан”, кроме того, имя Есенин мог просто придумать, произведя его от старинного “лал” (драгоценный камень, яхонт)²¹. Правда, Есенин мог ввести не обязательно персидское имя, а тюркское, армянское или грузинское – вообще ориентальное, “восточное”. Кроме того, В.Е. Холшевников обоснованно напомнил, что близкое по звучанию восточное имя встречается в русской поэзии, в стихотворении В.А. Жуковского “Лалла Рук”»²².

²⁰ См. приложение данной работы.

²¹ См.: В мире Есенина. М., 1986. С. 356.

²² Козловский А.А. Комментарии // С. Есенин. ПСС. М., 1995. Т.1. С. 643.

Предположим, что имя Лала могло быть производным от Лейли – традиционного образа девушки в мусульманской поэзии, в которую был влюблён Меджнун (в переводе с арабского «одержимый джинами, т.е. сумасшедший»). Обратим внимание, что прототипом данного образа явился арабский поэт – Маджнун Кайс ибн аль-Муллавах²³. Во всех классических вариантах повествования о Лейли и Меджнуне (Низами, Джамии, Алишера Навои...) поэтическому призванию Меджнуна придаётся особое значение. Образ лирического героя цикла, поэта, занимает главное, стержневое место в «Персидских мотивах» Сергея Есенина.

Многие литературоведы считают, что в данном стихотворении Сергей Есенин продолжил тему раскрепощения восточной женщины. Нам так не кажется. Речь идет, прежде всего, о таких строках:

От любви не требуют поруки,
С нею знают радость и беду.
«Ты – моя» сказать лишь могут руки,
Что срывали черную чадру.

В данном контексте эти слова выражают не протест против обычая ношения чадры, а поэтическую мысль: о любви знает тот, кто любил женщину, обладал ею.

В поэтике стихотворения С. Есенина представлены метафоры и сравнения: «легче ветра», «легче Ванских струй», «глаза как яхонты горят»; использованы риторические вопросы: «Как назвать мне для прекрасной Лалы// Слово ласковое “поцелуй?”».



Озеро Ван

Образная система стихотворения свидетельствует о хорошем знании восточной культуры. Примером тому может служить сравнение «тише Ванских струй», которое встречается во втором четверостишии и вполне убедительно потому, что озеро Ван является бес-

²³ Образцы произведений Кайса ибн Муллаваха. См. в приложении работы.

сточным, недвижимым, то есть «беззвучным».

В следующем стихотворении цикла появляется образ Шаганэ. Известно, что образ «милый Шаганэ», появляющийся в третьем и четвертом стихотворениях цикла, имеет реальный прототип. Это армянка Ш.Н. Тальян. Знакомство поэта с нею состоялось в декабре 1924 г. в Батуми. Но этот факт был признан не сразу. В одно время в литературном мире получила широкое распространение версия, что поэт образовал это имя от фамилии журналиста П.И. Чагина, заменив букву «Ч» на «Ш». И только благодаря изысканиям В. Белоусова и других исследователей, известно не только имя прообраза лирической героини «Персидских мотивов», но и есть её фотография тех лет.

Особенности композиции стихотворения отражают своеобразие поэтической структуры, присущей «Персидским мотивам» в целом. В этом стихотворении Сергея Александровича первая строфа является *зачином*:

Шаганэ ты моя, Шаганэ!
Потому что я с севера, что ли,
Я готов рассказать тебе поле,
Про волнистую рожь при луне.
Шаганэ ты моя, Шаганэ!



Ш.Н. Тальян

Ярко выраженное личностное начало проявляется в обращениях: «Я готов рассказать тебе поле// Про волнистую рожь при луне!». Лирическое «я» поэта является смысло- и сюжетообразующим стержнем цикла «Персидские письма». Лирическое начало вы-

ражается лексическими и строфическими повторами, кстати говоря, весьма распространёнными и восточной поэзии.

Своеобразие художественной структуры текста стихотворения заключено в том, что первая строфа составлена из начальных и заключительных строк всех строф и включает в себя основные мотивы произведения.

Стихотворение написано трёхстопным анапестом:

== ='/ == ='/ == ='/.

Видимо, как замечено литературоведами, размер стихотворения задан именем героини Шаганэ, открывающим стихотворение. Представляется, что это ещё одно доказательство важности этого имени для С. Есенина и реальности существования прототипа лирической героини.

«Персидские мотивы» насыщены традиционными восточно-поэтическими образами: Коран, соловей, луна, кипарис, флейта, чадра, шальвары... Вместе с тем, интерпретация их индивидуальна и более соответствует российскому мироощущению. Примером тому является строка: «Про волнистую рожь при луне». Образ луны традиционен для культуры Востока. Однако явственно видно, что в указанном тексте данный образ несёт в себе российские мирозерцательные основы. В этом отношении показательными являются строки:

Потому, что я с Севера, что ли,
Что луна там огромней в сто раз.

Символом мусульманской культуры является полумесяц, которому Сергей Есенин противопоставляет гиперболизированный образ северной «полной» луны.

Тема Родины, олицетворённая в образе девушки с севера, мотив ностальгии, пронизывающий «Персидские мотивы», звучит в строках:

Про волнистую рожь при луне
По кудрям ты моим догадайся.
Дорогая, шути, улыбайся,
Не буди только память во мне
Про волнистую рожь при луне.

Представляется, что образ «волнистая рожь при луне» является своеобразным олицетворением Родины, выражающим её глубинную, «почвенную» суть (рожь) и широту простора (волнистую).

Начинало сбываться предсказание В. Попова, приведенное выше. Обращаясь к прекрасной «персиянке», лирический герой

вновь и вновь возвращается к «рязанским раздольям», к северянке, оставленной там. И чувство это выражается поэтом как многогранное состояние, проникнутое глубокой болью и тоской, которую так хочется, но никак невозможно заглушить.

В этом и других стихотворениях упоминание города Шираз не случайно. Этот город на юге Ирана – родина многих фарсиязычных поэтов, в ряду которых такие всемирно известные имена, как Саади и Хафиз. Вспомним, 8 апреля 1925 г. С. Есенин писал Г.А. Бениславской: «Я хочу проехать даже в Шираз и, думаю, проеду обязательно. Там ведь родились все лучшие персидские лирики. И недаром мусульмане говорят: если он не поёт, значит, он не из Шушу, если он не пишет, значит, он не из Шираза» (С. 304).

В персидских мотивах С. Есенин называет имена известных персидских поэтов: Фирдоуси, Хайям, Саади²⁴.



Саади

В стихотворении «Ты сказала, что Саади...» имя фарсиязычного поэта вполне может, особенно для несведущего читателя, звучать просто как собственное наименование. На это указывает и последняя строфа, особенно строки: «Коль родился я поэтом, // То целуюсь как поэт», являющиеся своеобразной антитезой первой, в которой звучит имя Саади:

Ты сказала, что Саади
Целовал лишь только в грудь.

Вместе с тем представляется, что в «Персидских мотивах» созвучие имён собственных с известными фарсиязычными поэтами не случайно. Тема поэтического призвания в идейно-интонационном звучании цикла занимает важное место. В художественной структуре персидских мотивов диалог культур преломляется и через беседу лирического героя – русского поэта с «соловьями» восточной поэзии, через диалектическое взаимодействие различных поэтических систем.

²⁴ Образцы произведений указанных поэтов см. в приложении данного издания.

В «Персидских мотивах» Сергей Есенин останавливается и на одной из важнейших для него тем – о месте поэта в обществе, о его высшем предназначении:

Быть поэтом – это значит то же,
Если правды жизни не нарушить,
Рубцевать себя по нежной коже,
Кровью чувств ласкать чужие души.

Быть поэтом – значит петь раздолье,
Чтобы было для тебя известней.
Соловей поет – ему не больно,
У него одна и та же песня.

Канарейка с голоса чужого –
Жалкая, смешная побрякушка.
Миру нужно песенное слово
Петь по-свойски, даже как лягушка.

Магомет перехитрил в Коране,
Запрещая крепкие напитки,
Потому поэт не перестанет
Пить вино, когда идет на пытки.

И когда поэт идет к любимой,
А любимая с другим лежит на ложе,
Влагою живительной хранимый,
Он ей в сердце не запустит ножик.

Но, горя ревнивою отвагой,
Будет вслух насвистывать до дома:
«Ну и что ж, помру себе бродягой,
На земле и это нам знакомо».

Символично, что данное стихотворение включено в цикл «Персидские мотивы», где упоминаются имена Фирдоуси, Хайяма, Саади: ведь все они прошли трудный, полный невзгод жизненный и творческий путь, а истинное признание получили лишь после смерти. И не судьбу ли многих восточных поэтов имел в виду Есенин, восклицая:

Ну и что ж, помру себе бродягой,
На земле и это нам знакомо.

Обращает на себя внимание интерпретация в данном стихотворении традиционных восточных образов, в частности, соловья и вина. Их толкование в поэтике стихотворения далеко от традиций восточной поэзии, особенно концепции Ирфон, согласно которой образ вина осмыслялся не как спиртной напиток, а в мистическом плане: «вино бытия», «вино печали», «вино познания сущности», опьянение же вином понималось как религиозный экстаз – соприкосновение с Высшим. Понятно, что в приведённом стихотворении С. Есенин осмысляет образ вина в европейской традиции, сквозь призму своего личностного восприятия, в котором данная тема столь притягательна и ненавистна.

Образ соловья в восточной традиции олицетворяет влюблённого поэта, воспевающего возлюбленную – розу. Строки:

Быть поэтом – значит петь раздолье,
Чтобы было для тебя известней.
Соловей поет – ему не больно,
У него одна и та же песня, –

вряд ли могли родиться в контексте образно-поэтической системы центральноазиатской, шире – фарсиязычной литературы. Это строки, рождённые русским поэтом, соответственны его мировидению.

Никогда я не был на Босфоре.
Ты меня не спрашивай о нём.
Я в твоих глазах увидел море,
Полыхающее голубым огнём.

Не ходил в Багдад я с караваном,
Не возил я шёлк туда и хну.
Наклонись своим красивым станом,
На коленях дай мне отдохнуть.

Или снова, сколько ни проси я,
Для тебя навеки дела нет,
Что в далёком имени – Россия –
Я известный, признанный поэт.

В этом стихотворении происходит своеобразное расширение культурно-региональных координат содержания «Персидских моти-

вов». Тема ностальгии русского поэта, страждущего покоя, начинает звучать в самом широком контексте мусульманской культуры: «Никогда я не был на Босфоре... // Не ходил в Багдад я с караваном». Обратим внимание на географическое наименование – пролив Босфор, который связывает два континента: Азию и Европу; два типа миро-созерцания: Восток и Запад. В контексте «Персидских мотивов» название данного пролива приобретает символическое звучание.

Обращает на себя внимание особая динамика произведения, передающаяся через движение мысли лирического героя. В поэтике произведения большое место занимают глаголы, в первую очередь, со значением движения: приехал, не ходил, не возил.

В идейно-эмоциональной структуре стихотворения большое значение имеет строфа:

Я давно ищу в судьбе покоя,
И хоть прошлой жизни не кляню,
Расскажи мне что-нибудь такое
Про твою весёлую страну.

Романтические устремления, поиски покоя и дыханье свежих чар не заглушают ностальгической тоски:

Чтобы я о дальней северянке
Не вздыхал, не думал, не скучал.

Глаголы в данном случае выражают эмоционально-рассудочные психические состояния лирического героя от первичных эмоций к мыслям, а затем к состоянию ностальгии. А Восток, представляется, осмыслился русским поэтом в *романтическом* ключе, как «голубая родина Фирдуси», «весёлая страна». Заметим, что в мусульманской персидской культуре голубой цвет – это цвет траура. Ш. Шукуров на основе анализа цветовой гаммы в поэме Фирдоуси «Шах-намэ» отмечал, что «тёплые цвета (красный, жёлтый) связываются в тексте «Шах-намэ» с верхом, положительным началом и наступлением дня, а холодные цвета (голубой, синий, зелёный) – с низом, отрицательным началом и ночью»²⁵. А. Голакар – учёный из Тегерана – обращает внимание на то, что по свидетельству «Частотного словаря Хафиза» цвета синий и голубой ни разу не использовались фарсиязычным поэтом»²⁶. У Есенина же – этот

²⁵ Шукуров Ш.М. «Шах-намэ» Фирдоуси и ранняя иллюстративная традиция. М, 1983. С. 111.

²⁶ Голакар А. Система цветовых обозначений в цикле Есенина «Персидские мотивы» в контексте персидской культуры. Москва-Константиново-Рязань, 2011. С. 280.

эпитет, очевидно, является воплощением «голубой», притягательной, но так и не осуществлённой романтической мечты.

Интересно проследить, как раскрывается тема *родины* через диалог русской и восточной культур в стихотворении современного русского поэта Кыргызстана В. Шаповалова, в котором присутствует отчетливая реминисценция есенинского стихотворения.

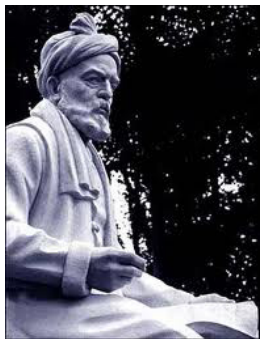
ATA YURT

Над синим Босфором, недоступным, как полицейский,
опускается вечер – и тоже какой-то синий.
Ак-Сарай отдан Стамбулом по негласной лицензии
курдам и мешочникам Новой России.
Капалу Чаши полон славянских звуков,
славянских знаков – всё выглядит, в целом, невинно,
деды наших дедов смотрят на внуков своих внуков,
но самих славян – Новый год! – нынче не видно.
Акведук, поилище древних римлян,
и внутри перевёрнутый лик Горгоны
напоминают, что время проходит крыльям,
и новостям сопутствуют лишь погоны.
Красные фонари и золотистые звёзды
лучше красных звёзд с золотыми фонарями,
но не тешат душу изумрудные версты
в синей доисторической панораме.
Забавно исчислять своих вероятных предков –
тех, что прыгали в море от краснозадых шашек,
что умирали здесь, в добровольных клетках,
с тем, чтоб турки теперь завозили «наташек».
Кто я здесь с украинско-русскою кровью,
чей зов неощутим, но тих и долог,
крест воздвигоша на азийскую кровлю,
не варяг, не грек, но при том – тюрколог...
Турки «Ата Юрт» говорят о Семиречье,
в аэропорту «Манас» публично целуют почву.
Я далёк от сих демонстраций: встреча
с родиной – когда есть, откуда ждать почту.
Ехал грека самолётом через реку,
да не сосчитал её всех потоков.
Всё дальше родина моих предков,

всё ближе родина моих потомков.
Ах, любовь с горчинкой, печаль на просторе! –
кому повем грусть сию, да и кто ж её измерит?
И если крикну, что никогда, мол, не был на Босфоре,
к сожаленью, теперь мне хрен кто поверит...

Рискнем утверждать, что здесь проявились черты литературы постмодернизма. Вместе с тем интертекстуальность произведения поэта позволяет ему создать динамичный мир исторических процессов XXI столетия, драматически разломленное мироощущение лирического героя, оказавшегося на ветрах перемен, на просторах, где переплетаются исторические пути народов, жертвами которых становятся личностные судьбы.

Мир лирического героя стихотворения В. Шаповалова менее органичен и гармоничен, нежели мир героя стихотворения С. Есенина, но в нём больше драматизма и противоречий, отражающих как историко-культурный срез цивилизации XX–XXI веков, так и художественное мироощущение русского писателя Кыргызстана, тюрколога, творящего на стыке культур, на изломе эпох.



Памятник Фирдоуси в Тусе

В стихотворении В. Шаповалова «Фирдоуси» на смену романтическому мироощущению «голубой родины Фирдуси» приходит драматическая раздвоенность поэтического сознания, приговорённого к творчеству в мире «суесловия и величия».

В художественный мир стихотворения В. Шаповалов вводит эпитафию:

Над голодным тифом
И соленой паршой степей

Лунный выкормыш – соловей.

А.Тарковский

В строках известного поэта и переводчика А. Тарковского переосмысляются традиционные образы восточной поэзии: *луна и соловей*. Происходит их своеобразное приземление, что более ярко ощущается на фоне суфийско-мистической трактовки данных образов в поэтически-религиозной концепции Ирфон.

Представляется, что в интерпретации образов восточной поэзии, столкновении её с обыденными реалиями жизни В. Шаповалов идёт вслед за А.Тарковским. Показательны в этом отношении начальные строки:

Над каламом зябнут руки. Лебедь лебедицу кличет.

Сколько лжи – и сколько муки, суесловья – и величья.

Обратим внимание, что *калам* в восточной поэзии является символом Музы, вдохновляющей поэта. В поэтике стихотворения В. Шаповалова это предмет – перо, которым пишут текст.

Изначальная непреодолимая разобщённость поэтической фантазии и реалий земного существования стали основой трагического образа поэта:

Где ветра мотыжат склоны, мертвым кураём играя,
возникает изумлённо смесь розария и рая.

Героиню и героя через сонмы злоключений
переносит некий гений. Ну и ладно, бог с тобою.

Не приткнуться в том рассказе гнусной правды плагиату –

Тусец лепит нам из грязи радужную шахиаду,
беззащитной вещей ложью устилает путь тернистый
к безусловному подножью нищей стаи вечных истин.

Не впервой и не однажды это все в нас отзовется:

у отвыкнувших от жажды зря ли высохли колодцы?–
в самаркандах или римах мир исхоженный огромен
от надежд неизмеримых до измеренных оскомин.

Но – идти, лицо и сердце беззащитно обращая
к человеку (что за средство, что за горький хлеб – я знаю),
за мечтою незакатной, за ее неверным светом...

И не повернуть обратно.

И не пожалеть об этом.

Конечно, разница лирического мироощущения и, соответственно, поэтики произведений С. Есенина и В. Шаповалова определена,

прежде всего, историко-культурными реалиями, в которых творят художники, усложнением мировоззрения поэта рубежа XX–XXI столетий.

Строго говоря, тема Востока в русской поэзии, фрагментом которой является творчество С. Есенина, именно в конце XX–XXI в. (О. Сулейменов, В. Шаповалов, М. Синельников, С. Сулова) получает совершенно новое освещение.

Показательным в этом отношении является стихотворение С. Суловой «Эй, Сорбон»²⁷. В качестве своеобразной точки отсчёта и лейтмотива произведения С. Сулова взяла известную газель Саади «Эй, караванщик, замедли ход!// С милой душа моя тоже уйдёт...». Лирический герой стихотворения медитативно осмысляет жизнь в неумолимом течении времени:

Караванщик стегает коней –
Жизнь вращается спицами дней.
Словно пленница в коробе лет,
Оглянуться не смею в ответ:
Там душа моя, древний поэт,
Плачет, рвётся за мною вослед... –

В этих строках можно уловить буддийский мотив колеса сансары. Обращение к самой знаменитой газели Саади «Эй, караванщик...» придаёт стихотворению С. Суловой особую философско-психологическую глубину, позволяющую прикоснуться в поэтическом порыве к первоосновам человеческого бытия.

Жанр газели нередко сравнивают с бриллиантом, отливающим на свету различными гранями. Одна из характернейших особенностей газели – это своеобразная многослойность. Каждый бейт газели зачастую носит законченную мысль. С. Сулова, используя возможности жанра и образно-символические традиции классической восточной поэзии, интерпретируя их в контексте современной эпохи, придаёт своим творениям полифоническое звучание и философскую глубину.

Саади через десять веков
Не ослабил звенящих оков.
Караван затерялся в песках.
Только голос не гаснет в веках, –
Голос, мною любимый до слёз,
Душу ранит падением звёзд:

²⁷ См. приложение работы

*– Не спеши, Караваничик, прошу,
Ведь любовь в своём сердце ношу –
Целый мир умечаю в груди,
Не губи этот мир, подожди!
Караваничик, замедли ход!
Жизнь моя с караваном уйдет...*

Вслед любви, ускользнувшей в вечность,
Мир взметнётся песчаным смерчем.

Если же говорить о есенинской гармонии, то своеобразен диалог с поэтической культурой Востока, который звучит в стихотворении «Свет вечерний шафранного края».

В этом стихотворении высказывается осуждение обычая носить паранджу, на котором делали акцент литературоведы советской эпохи при анализе «Персидских мотивов». Обратим внимание, что оно выражается как личное неприятие поэта, без революционно-декламационного пафоса, характерного для литературы того времени. Показательны в этом отношении строки: «Дорогая, с чадрой не дружись», – придающие особую доверительную интонацию стихотворению. Как и в других стихотворениях цикла, здесь Сергей Есенин использует кольцевую композицию, создающую своеобразную атмосферу беседы. Начальным строкам:

Свет вечерний шафранного края,
Тихо розы бегут по полям.
Спой мне песню, моя дорогая,
Ту, которую пел Хайям.
Тихо розы бегут по полям.

противопоставляется последняя строфа:

Тихо розы бегут по полям.
Сердцу снится страна другая.
Я спою тебе сам, дорогая,
То, что сроду не пел Хайям...
Тихо розы бегут по полям.



Омар Хайям

Диалог культур приобретает особое звучание в стихотворении
«В Хороссане есть такие двери»:

В Хороссане есть такие двери,
Где обсыпан розами порог.
Там живёт задумчивая пери.
В Хороссане есть такие двери,
Но открыть те двери я не мог...
* * *

Мне пора обратно ехать в Русь.
Персия! Тебя ли покидаю?
Навсегда ль с тобою расстанусь
Из любви к родимому мне краю?
Мне пора обратно ехать в Русь.

До свиданья, пери, до свиданья,
Пусть не смог я двери отпереть,
Ты дала красивое страданье,
Про тебя на родине мне петь.
До свиданья, пери, до свиданья.

Данное стихотворение показательно. В нём, как и во всём цикле
«Персидские мотивы», тема любви плавно перетекает в размышле-
ние о Родине. Строки:

В Хороссане есть такие двери,
Но открыть те двери я не мог –

приобретают символическое звучание: поэт так и не смог до конца понять загадочный Восток. Примечательно, что во всём цикле Сергей Есенин говорит о Персии, в которой так и не побывал. Видимо, для него был важен культурный контекст восточной поэзии.

В персидском цикле темы, мотивы, образы, элементы поэтики перекликаются с традициями восточных лириков.

П. Тартаковский заметил, что «образ розы, количественно, пожалуй, основной образ цикла, встречается в пятнадцати стихотворениях около двух десятков раз – столько же, сколько, например, в сборнике Хафиза, состоящем из полусотни газелей»²⁸.

Почти все исследователи, обращавшиеся к анализу «Персидских мотивов», проводят поэтические аналогии между конкретными мотивами художественного мира Сергея Есенина с эстетическими традициями классической восточной поэзии. Но, думается, не это главное. Гораздо важнее то, что С. Есенину удалось вступить в поэтический диалог с восточной культурой, благодаря личностному погружению в новую поэтическую стихию, прикоснуться к извечным проблемам внутреннего мира человека, а значит, и смысла его жизни на земле. Вероятно, прав С. Кошечкин, отмечавший, что в «Персидских мотивах» «своё, русское, и чужое, восточное, естественно, органично слились в едином лирическом чувствовании. И стихи, оставаясь русскими стихами, в то же время несут в себе аромат инонациональной поэзии, поэзии, освященной именем Хафиза и Фирдоуси, Саади и Хайяма...»²⁹.

Известно, что основными темами восточной классической поэзии были: Вера, Родина, Любовь, Красота... Не это ли, наряду с другими факторами, делало творчество восточных классиков столь притягательным для писателей разных стран и эпох? И, наверное, именно это в первую очередь побудило Сергея Есенина обратиться к творчеству лириков Востока, чтобы вновь, с новой эстетической силой воспеть эти вечные чувства. Как говорил сам художник: «Поэты – все единой крови». Творчество выдающегося русского поэта хорошо известно во многих странах мира, в том числе и восточных. Переводы поэзии С. Есенина не только позволяют читателям различных народов лучше узнать русскую культуру, но и обогащают порой художественные грани национальных литератур.

²⁸ Тартаковский П. Свет вечерний шафранного края... Ташкент, 1981. С. 51.

²⁹ Кошечкин С. Сергей Есенин и его поэзия. Баку: Языки, 1980. С. 226.

§3. «ПЕРСИДСКИЕ МОТИВЫ» С. ЕСЕНИНА НА КИРГИЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Сегодня творчество великого русского поэта хорошо известно во многих странах мира, в том числе и восточных. Переводы поэзии С. Есенина не только позволяют читателям различных народов лучше узнать русскую культуру, но и обогащают, порой, художественные грани национальных литератур.

Примером тому может служить и освоение творчества Сергея Есенина в Кыргызстане.

Первые публикации переводов его произведений на киргизском языке стали появляться в 60-е гг., во времена «первой оттепели», когда общественное сознание, в связи с разоблачением культа личности Сталина, претерпевало значительные изменения, переосмысливались представления о личности и обществе.

Жизненный и творческий путь Сергея Есенина не вмещался в «прокрустово ложе» сталинской идеологии. Чтение и изучение «упадочного» поэта долгие годы было под запретом. В 60-е же гг. XX в., благодаря общественно-политическим и историко-культурным изменениям, творчество Сергея Есенина, как и ряда других ранее запрещённых авторов, вернулось к широкому кругу читателей, заняло достойное место в истории русской литературы. Не случайно именно в эти годы появляются и переводы С. Есенина на национальных языках народов, входивших в СССР.

Киргизский читатель узнал творчество Сергея Есенина благодаря таким талантливым поэтам-переводчикам, как С. Джусуев, Р. Рыскулов, С. Эралиев и др. В особенности хотелось бы выделить народного поэта Кыргызстана Сооронбая Джусуева. Переводчик произведений У. Шекспира, А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.А. Некрасова, Махтумкули и многих других замечательных поэтов, он, одним из первых, обращается к творчеству С. Есенина, делая его достоянием киргизского читателя.

Интересно проследить тематику первых переводов С. Есенина на киргизском языке. Прежде всего, переводчики обратились к тем произведениям русского поэта, которые были бы особенно близки и понятны киргизам.

Одним из первых был переведён на киргизский язык цикл «Персидские мотивы», созданный на материале восточной тематики и вдохновлённый творчеством гениальных поэтов Востока: Рудаки,

Фирдоуси, Хайяма, Саади, Хафиза. Произведения этих восточных классиков, являясь духовным наследием всех народов Центральной Азии, вошли в их кровь и плоть, определили многовековое развитие культуры и, в частности, художественной литературы. В значительной мере именно поэтому «Персидские мотивы» С. Есенина нашли живой отклик у киргизских переводчиков. «Персидский цикл» переводили и С. Джусуев, и Э. Турсунов, и С. Акматбеков, и С. Эралиев. Обращение к одним и тем же произведениям разных переводчиков определялся, на наш взгляд, не только близостью тематики, но и самими традициями восточной поэзии, когда, обращаясь к одному сюжету или к одной теме, поэты вступали в своеобразное творческое состязание.

Наряду с восточными стихами Сергея Есенина переводчиков привлекают, прежде всего, произведения, несущие ярко выраженный общечеловеческий характер и, как полагаем, также близкие менталитету киргизского народа. Среди них – «Письмо матери», «Письмо к сестре», «Письмо к женщине», «Черемуха», «Собаке Качалова», «Лебедушка» и др.

Творчество «Певца России» Сергея Есенина, впитавшее художественно-эстетические традиции и отразившее многогранный образно-лексический строй русского языка, необычайно трудно поддается переводу на инациональные языки. Но с течением времени все большее количество произведений великого русского поэта становится достоянием киргизских читателей, обогащая вместе с тем и киргизскую национальную культуру.

Жизнь и творчество Сергея Есенина еще раз подтверждают простую, но выстраданную человечеством истину: высокохудожественные произведения искусства не знают границ, они принадлежат всему человечеству. Есенин был, прежде всего, сыном рязанских полей и, вдохновленный ими, пел свои песни. Но именно этим во многом определяется его вклад в мировую литературу. Вклад русского национального писателя в общечеловеческую культуру.

ЧАСТЬ II. МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ УЧЕБНОЙ И НАУЧНОЙ РАБОТЫ

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Стихотворения С.А. Есенина

* * *

Не жалею, не зову, не плачу,
Всё пройдёт, как с белых яблонь дым.
Увяда́нья золо́том охваченный,
Я не буду больше молодым.

Ты теперь не так уж будешь биться,
Сердце, тронутое холодком,
И страна берёзового ситца
Не заманит шляться босиком.

Дух бродяжий! ты всё реже, реже
Расшевеливаешь пламень уст.
О моя утраченная свежесть,
Буйство глаз и половодье чувств.

Я теперь скупее стал в желаньях,
Жизнь моя? Иль ты приснилась мне?
Словно я весенней гулкой ранью
Проскакал на розовом коне.

Все мы, все мы в этом мире тленны,
Тихо льётся с клёнов листьев медь...
Будь же ты вовек благословенно,
Что пришлось процвести и умереть.

* * *

Эта улица мне знакома,
И знаком этот низенький дом.
Проводов голубая солома
Опрокинулась над окном.

Были годы тяжёлых бедствий,
Годы буйных, безумных сил.
Вспомнил я деревенское детство,
Вспомнил я деревенскую синь.

Не искал я ни славы, ни покоя,
Я с тщетой этой славы знаком.
А сейчас, как глаза закрою,
Вижу только родительский дом.

Вижу сад в голубых накрапах,
Тихо август прилёт ко плетню.
Держат липы в зелёных лапах
Птичий гомон и щебетню.

Я любил этот дом деревянный,
В брёвнах теплилась грозная морщь,
Наша печь как-то дико и странно
Завывала в дождливую ночь.

Голос громкий и всхлипень зычный,
Как о ком-то погибшем, живом.
Что он видел, верблюдов кирпичный,
В завывании дождевом?

Видно, видел он дальние страны,
Сон другой и цветущей поры,
Золотые пески Афганистана
И стеклянную хмарь Бухары.

Ах, и я эти страны знаю –
Сам немалый прошёл там путь.
Только ближе к родимому краю
Мне б хотелось теперь повернуть.

Но угасла та нежная дрёма,
Всё истлело в дыму голубом.
Мир тебе – полевая солома,
Мир тебе – деревянный дом!

Собаке Качалова

Дай, Джим, на счастье лапу мне,
Такую лапу не видал я сроду.
Давай с тобой полаем при луне
На тихую, бесшумную погоду.
Дай, Джим, на счастье лапу мне.

Пожалуйста, голубчик, не лижись.
Пойми со мной хоть самое простое.
Ведь ты не знаешь, что такое жизнь,
Не знаешь ты, что жить на свете стоит.

Хозяин твой и мил и знаменит,
И у него гостей бывает в доме много,
И каждый, улыбаясь, норовит
Тебя по шерсти бархатной потрогать.

Ты по-собачьи дьявольски красив,
С такой милою доверчивой приятцей.
И, никого ни капли не спросив,
Как пьяный друг, ты лезешь целоваться.

Мой милый Джим, среди твоих гостей
Так много всяких и невсяких было.
Но та, что всех безмолвней и грустней,
Сюда случайно вдруг не заходила?

Она придёт, даю тебе поруку.
И без меня, в её уставясь взгляд,
Ты за меня лизни ей нежно руку
За всё, в чём был и не был виноват.

Персидские мотивы

* * *

Улеглась моя бывшая рана –
Пьяный бред не гложет сердца мне.
Синими цветами Тегерана.
Я лечу их ныне в чайхане.

Жан кыйнабай менин сыркоом мурдагы –
Мастын дарты жүрөгүмдөн айыгат:
Тегеранда көгүш түстүү нурлары
Чайканада аны олтурам дарылап.

Сам чайханщик с круглыми плечами,
Чтобы славилась пред русским чайхана,
Угощает меня красным чаем
Вместо крепкой водки и вина.

Дунгул мүчө чайканачы обдула
Бул оруска жаксын дейби чайканам –
Ачуу арак, кызгылт шарап ордуна
Кызыл чайдан баса куят кайтадан.

Угощай, хозяин, да не очень.
Много роз цветёт в твоём саду.
Незадаром мне мигнули очи,
Приоткинув чёрную чадру.

Сыйла, бирок, сыйлай бербе өтө эле.
Кызыл гүл көп өзүң бакта гүлдөткөн.
Көз кыспады сулуу бекер өзү эле,
Ача коюп жүзүн кара чүмбөттөн.

Мы в России девушек весенних
На цепи не держим, как собак,
Поцелуям учимся без денег,
Без кинжальных хитростей и драк.

Россияда жалдыратып ызатсыз
Биз кыздарды байлабайбыз ит өңдүү.
Акчасыз да, мушташсыз да, бычаксыз
Үйрөнөбүз өпкөндү биз киши өңдүү.

Ну, а этой за движенье стана,
Что лицом похожа на зарю,
Подарю я шаль из Хороссана
И ковёр ширазский подарю.

Бул сулуунун сымбаты үчүн боюнун,
Көрүш үчүн аткан тандай иренин
Берер элем Хорассандын жоолугун,
Берер элем кымбат Шираз килемин.

Наливай, хозяин, крепче чаю,
Я тебе вовеки не солгу.
За себя я нынче отвечаю,
За тебя ответить не могу.

Коюу чайдан куй, кожоюн, кел өзүң,
Жалган айтып кай себептен сени алдайм?
Жооп берем өзүм үчүн мен өзүм,
Мен сен үчүн, бирок, жооп бералбайм.

И на дверь ты взглядывай не очень,
Всё равно калитка есть в саду...
Незадаром мне мигнули очи,
Приоткинув чёрную чадру.

Каалгаңа карай бербе өтө эле,
Башка эшик бар багында өзүң гүлдөткөн...
Көз кыспады сулуу бекер өзү эле
Ача коюп жүзүн кара чүмбөттөн.

Которгон С. Жусуев

* * *

Я спросил сегодня у менялы,
Что даёт за полтумана по рублю,
Как сказать мне для прекрасной Лалы
По-персидский нежное «люблю»?

Ушул бүгүн мен сурадым сараптан,
Жарым жүзгө канча бир сом келерин,
Лалам үчүн жанды тартып бараткан
Перси тилде «сүйүү» кандай делерин?

Я спросил сегодня у менялы
Легче ветра, тише Ванских струй,
Как назвать мне для прекрасной Лалы
Слово ласковое «поцелуй»?

Ушул бүгүн мен сурадым сараптан,
Ван шарынан басмырт тартып эгерим,
Лалам үчүн тагдыр мага жараткан
Перси тилде «өптүр» кандай делерин?

И ещё спросил я у менялы,
В сердце робость глубже притая,
Как сказать мне для прекрасной Лалы
Как сказать ей, что она «моя»?

Анан дагы мен сурадым сараптан,
Араң кармап сүрдөп турган денемди,
Лалам үчүн мага кумар тараткан
Кантип айтам: «өптүр мага» дегенди?

И ответил мне меняла кратко:
О любви в словах не говорят,
О любви вздыхают лишь украдкой,
Да глаза, как яхонты, горят.

Сарап мага жооп берет кыскарак:
Ашыглыгын эч ким айтпайт сөз менен
Өз ичинен үшкүрөт да кызганат,
Карайт анан күйгөн эки көз менен.

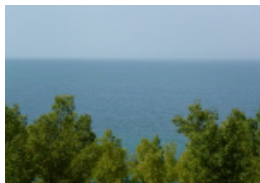
Поцелуй названья не имеет,
Поцелуй не надпись на гробах.
Красной розой поцелуи веют,
Лепестками тая на губах.

Өбүү деген кирбейт сөзгө, санатка
Ат жок анда, жашайт жалаң дээринде.
Өз кезинде кызгалдактай жанат да
Өбөр замат эрип кетет ээрдинде.

От любви не требуют поруки,
С нею знают радость и беду.
«Ты – моя» сказать лишь могут руки,
Что срывали чёрную чадру.

Ашыглыкты сурап алуу жок жана,
Сен ал үчүн зар какшоого милдеттүү.
«Сен меники» деп айталаң кол гана
Сыйрып жатып жүзүн жапкан чүмбөттүү.

Которгон С. Эралиев



Озеро Ван

* * *

Шаганэ ты моя, Шаганэ!
Потому, что я с севера, что ли,
Я готов рассказать тебе поле,
Про волнистую рожь при луне.
Шаганэ ты моя, Шаганэ.
Потому, что я с севера, что ли,
Что луна там огромней в сто раз,
Как бы ни был красив Шираз,
Он не лучше рязанских раздолий.
Потому, что я с севера, что ли.

Я готов рассказать тебе поле,
Эти волосы взял я у ржи,
Если хочешь, на палец вяжи –
Я нисколько не чувствую боли.
Я готов рассказать тебе поле.

Про волнистую рожь при луне
По кудрям ты моим догадайся.
Дорогая, шути, улыбайся,
Не буди только память во мне
Про волнистую рожь при луне.

Шаганэ ты моя, Шаганэ!
Там, на севере, девушка тоже,
На тебя она страшно похожа,
Может, думает обо мне...
Шаганэ ты моя, Шаганэ.

Шаганэм, менин Шаганэм!
Түндүктөн мында мен келгем
Ай тийген буудай термелген
Талааны айтам сага мен
Шаганэм, менин Шаганэм.
Түндүктөн мында мен келгем
Жүз эсе эң чоң ай чыккан.
Рязанга көнүл балкыткан
Канткенде Шираз тең келген –
Түндүктөн мында мен келгем.

Ай тийип, желге термелген
Буудайдан бүткөн чачтарым,
Сөөмөйгө ороп тарт, жаным.
Ар дайым мага дем берген
Ай тийген буудай термелген.

Айтам мен айлуу талааны
Буудайы тармал чачымдай.
Ойноп-күл, шаттан басынбай,
Тарттырба мага санааны
Эстетип айлуу талааны.

Шаганэм, менин Шаганэм!
Түндүктө да бар бир кызым,
Сага окшоп жаркын жылдызым,
Эстелдим бекен ага мен...
Шаганэм, менин Шаганэм.

Которгон С. Джусуев



Шаганэ – Ш.Н. Тальян

* * *

Ты сказала, что Саади
Целовал лишь только в грудь.
Подожди ты, бога ради,
Обучусь когда-нибудь!

Ты пропела: «За Ефратом»
Розы лучше смертных дев».
Если был бы я богатым,
То другой сложил напев.

Я б порезал розы эти,
Ведь одна отрада мне
Чтобы не было на свете
Лучше милой Шаганэ.

И не мучь меня заветом,
У меня заветов нет.
Коль родился я поэтом,
То целуюсь, как поэт.

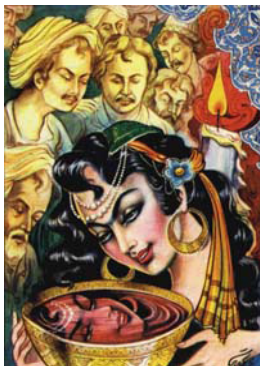
Саади төштөн өпчү деп,
Сөзүң уктум сүйлөгөн.
Бир аз сабыр эт чүрөк,
Ага мен да үйрөнөм.

Ырдайсың кээ күндөрү:
«Кыздан бетер көрктүү – деп
Ефраттын гүлдөрү».
Антпейт менде көкүрөк.

Минтип ойлоп жатканым,
Ал гүлдөрдү мен үстүм.
Шаганэмдей таппадым,
Арытсам да жер үстүн.

А-бу деген жөрөлгөн
Жакпайт, аны кат ары.
Акын болуп төрөлгөм,
Өбөм акын катары.

Которгон С. Эралиев



* * *

Никогда я не был на Босфоре,
Ты меня не спрашивай о нем.
Я в твоих глазах увидел море,
Польхающее голубым огнем.

Не ходил в Багдад я с караваном,
Не возил я шелк туда и хну.
Наклонись своим красивым станом,
На колених дай мне отдохнуть.

Или снова, сколько ни проси я,
Для тебя навеки дела нет,
Что в далеком имени – Россия –
Я известный, признанный поэт.

У меня в душе звенит тальянка,
При луне собачий слышу лай.
Разве ты не хочешь, персиянка,
Увидать далекий синий край?

Я сюда приехал не от скуки –
Ты меня, незримая, звала.
И меня твои лебяжьи руки
Обвивали, словно два крыла.

Я давно ишу в судьбе покоя,
И хоть прошлой жизни не кляню,
Расскажи мне что-нибудь такое
Про твою весёлую страну.

Заглуши в душе тоску тальянки,
Напои дыханьем свежих чар,
Чтобы о дальней северянке
Не вздыхал, не думал, не скучал.

И хотя я не был на Босфоре –
Я тебе придумую о нем.
Все равно – глаза твои, как море,
Голубым колышутся огнем.

Мен эч качан көргөнүм жок Босфорду,
Бирок бир аз карай калсам токтолуп,
Сенин көзүң кудум деңиз окшоду
Күйүп турган көгүш түстүү от болуп.

Мен Багдадга кербен менен барбадым,
Буюм-тайым алпарбадым сатууга.
Бирок ичке белиң ийип ардагым,
Уруксат эт тизеңде уктап жатууга.

Мен канчалык сурансам да, сыягы
Эч бир элес албайт окшойт акылың:
Билбей койдуң алыскы Россияны,
Жана дагы анын даңктуу акынын.

Жүрөгүмдө жалаң орус гармону,
Үргөн ити жаңырыктайт ыр өңдүү.
Персиянка эч болбосо бир жолу
Көрсөң боло биздин жашыл өрөөндү.

Мен келбегем зериккенден бу жакка,
Сен алдыртан азгырганга окшодуң.
Мени акырын кысты жылуу кучакка
Эки бирдей канат өңдүү кош колуң.

Өткөн өттү, эскергенде аны эмне,
Жаным жалаң тынчтык тилейт кээ күндө.
Эч болбосо анча-мынча аңгеме
Айтсаң боло а сен өлкөң жөнүндө.

Гармонь тартчы, бул авалым түшүнүп,
Бачымыраак эрит көңүл муздарын.
Куса болуп башты жерге түшүрүп,
Сагынбайын мен түндүктүн кыздарын.

Мен эч качан көргөнүм жок Босфорду,
Ойго ылайык мен өзүмчө ойлогон:
Сенин көзүң кудум деңиз окшоду
Көгүш-жашыл толкундарда ойногон.

Которгон С. Эралиев

* * *

Свет вечерний шафранового края,
Тихо розы бегут по полям.
Спой мне песню, моя дорогая,
Ту, которую пел Хаям.
Тихо розы бегут по полям.

Лунным светом Шираз осиянен,
Кружит звезд мотыльковый рой.
Мне не нравится, что персияне
Держат женщин и дев под чадрой.
Лунным светом Шираз осиянен.
Иль они от тепла застыли,
Закрывая телесную медь?
Или, чтобы их больше любили,
Не желают лицом загореть,
Закрывая телесную медь?

Дорогая, с чадрой не дружись,
Заучи эту заповедь вкратце,
Ведь и так коротка наша жизнь,
Мало счастьем дано любоваться.
Заучи эту заповедь вкратце.

Даже все некрасивое в роке
Осеняет своя благодать.
Потому и прекрасные щеки
Перед миром грешно закрывать,
Коль дала их природа-мать.

Тихо розы бегут по полям.
Сердцу снится страна другая.
Я спою тебе сам, дорогая,
То, что сроду не пел Хаям...
Тихо розы бегут по полям.

Саргыч күрөң өрөөн жакта күүгүмдө
Гүлдөр жерге тарайт элпек аянда.
Асылкечим, ырдап койчу бу күндө
А баягы жаккан ырды Хаямга.
Гүлдөр жерде тарайт элпек аянда.

Шираз ана ай нуруна бөлөнгөн.
Шыгыратып жылдыздарын түн көктө.
Персиялык салтты жаман көрөм мен
Катын-кызды кагып алган чүмбөткө.
Шираз ана ай нуруна бөлөнгөн.
Алар антсе муздайбы же ысыктан,
Чүмкөп алып коло түстүү денени?
Же болобу жигиттер көп кызыккан?
Же күйбөсүн күнгө бети дегени,
Чүмкөп алса коло түстүү денени?

Асылкечим, ал чүмбөттөн кыскана
Айтам сага: алып ташта, кат муну.
Ансыз дале биздин өмүр кыска да,
Ансыз дале аз сезебиз бактыны.
Асылкечим алып ташта, кат муну.

Билсен бардык жарашыксыз өңдүн да
Бар өзүнчө жарык берчү нурлары.
Демек жүздү сен жашырбай көнгүн да,
Калсын ошо калыбында мурдагы.
Табияттын бергени да бул дагы.

Кең талаада гүлдөр жайнайт күүгүмдө,
Чоочун өлкө козгойт ички сырларды.
Асылкечим, ырдайм сага бу күндө
Хаям такыр ырдабаган ырларды.
Кең талаада гүлдөр жайнайт күүгүмдө.

Которгон С. Эралиев

* * *

Воздух прозрачный и синий,
Выйду в цветочные чаши.
Путник, в лазурь уходящий.
Ты не дойдешь до пустыни.
Воздух прозрачный и синий.

Лугом пройдешь, как садом,
Садом – в цветенье диком,
Ты не удержишься взглядом,
Чтоб не припасть к гвоздикам.
Лугом пройдешь, как садом.

Шепот ли, шорох иль шелест –
Нежность, как песни Саади.
Вмиг отразится во взгляде
Месяца жёлтая прелесть,
Нежность, как песни Саади.

Голос раздастся пери,
Тихий, как флейта Гассана.
В крепких объятиях стана
Нет ни тревог, ни потери,
Только лишь флейта Гассана.

Вот он, удел желанный
Всех, кто в пути устали.
Ветер благоуханный
Пью я сухими устами,
Ветер благоуханный.

* * *

Золото холодное луны,
Запах олеандра и левкоя.
Хорошо бродить среди покоя
Голубой и ласковой страны.

Ава таза, тунук көгүш түспөлдө,
Гүлдөрү көп жерге келем кеч убак.
Сен жолоочу ушул жолго түшкөндө
Чөл талаага жеталбайсың эч убак.
Ава таза, тунук көгүш түспөлдө.

Көк туландан өтсөн бактан өткөндөй
Бакта болсо гүл шыкалат жапайы.
Жыты бурк деп мурун жарып кеткендей,
Жага калып сен искейсиң атайы.
Көк туландан өтсөн бактан өткөндөй.

Жаңырыкпы же шырп эткен давышпы,
Назигиндей кудум Саади ырынын.
Сакталгансыйт көз ирмемде дал ушу,
Жарашыгы айдын саргыч нурунун.
Назигиндей кудум Саади ырынын.

Перилердин добуштары жаңырат
Сывызгыдай Гассанда жай тартылган.
Жанды кайра койгон окшойт жаңылап
Кучак гана кымча белге артылган.
Сывызгыдай Гассанда жай тартылган.

Өмүрүндө максат кылып ал муну,
Сен сапарда азап чегип куураган.
А мен болсом жыргатар жел аргыны
Жутам тынбай тамак менен кургаган.
А мен жутам жыргатар жел аргыны.

Которгон С. Эралиев

Өсүмдүктөр өзгөртпөгөн өз көгүн,
Дайым жыттуу, дайыма тунт кара бак.
Назик дагы, жашыл дагы өлкөнүн
Жүрсөн сонун бейкуттугун аралап.

Далеко-далече там Багдад,
Где жила и пела Шахразада.
Но теперь ей ничего не надо.
Отзвенел давно звеневший сад.

Призраки далекие земли
Поросли кладбищенской травой.
Ты же, путник, мёртвым не вмешай,
Не склоняйся к плитам головою.

Оглянись, как хорошо кругом:
Губы к розам так и тянет, тянет.
Помирись лишь в сердце со врагом –
И тебя блаженством ошафранит.

Жить – так жить, любить – так уж влюбляться.
Сүйгөндөй сүй, жашагандай жашагын,
В лунном золоте целуйся и гуляй,
Ай алдында өбүш жүрүп сейилде.
Если ж хочешь мёртвым поклоняться,
Өлгөндөргө мейлиң урмат жасагын,
То живых тем сном не отравляй.
Тирүүлөрдү таарынтпаган пейилде.

Это пела даже Шахразада, –
Так вторично скажет листьев медь.
Тех, которым ничего не надо,
Только можно в мире пожалеть.

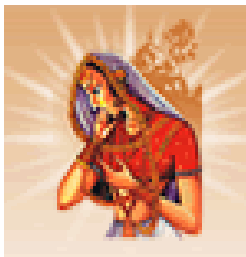
Багдад болсо алыс-алыс арыда,
Шахразада анда жашап, ырдаган.
Куурап калган бак-дарактын бары да
Ал кезекте гүлдөп шагын ыргаган.

Жерде тирүү жашагандар мурдагы
Жатат бүгүн мүрзөлөрдө чөп баскан.
Сен жолоочу ага көңүл бурбагын,
Кайрылбай өт моло ташка сөз жазган.

Андан көрө айлананды карагын:
Гүлгө жаның, гүлгө жаның тартылат.
Жоого деген кегиң ичке кармагын
Анда сенин мархабатың артылат.

Шахразада ырдап өткөн муну өзү –
Жалбырактар шыбырашат кайталап.
Өлгөн үчүн эч кимдин жок күнөсү,
Бул дүйнөнү тирүүлөргө кайтарат.

Которгон С. Эралиев



* * *

В Хороссане есть такие двери,
Где обсыпан розами порог.
Там живёт задумчивая пери.
В Хороссане есть такие двери,
Но открыть те двери я не мог.

У меня в руках довольно силы,
В волосах есть золото и медь.
Голос пери нежный и красивый.
У меня в руках довольно силы,
Но дверей не смог я отпереть.

Ни к чему в любви моей отвага.
И зачем? Кому мне песни петь? –
Если стала неревнивой Шага,
Коль дверей не смог я отпереть,
Ни к чему в любви моей отвага.

Мне пора обратно ехать в Русь.
Персия! Тебя ли покидаю?
Навсегда ль с тобою расстанюсь
Из любви к родимому мне краю?
Мне пора обратно ехать в Русь.

До свиданья, пери, до свиданья,
Пусть не смог я двери отпереть,
Ты дала красивое страданье,
Про тебя на родине мне петь.
До свиданья, пери, до свиданья.

Хороссанда бар мындай бир дарбаза,
Босогосу гүлдөр менен тосулган.
Ачамын деп кылгам далай далбаса,
Анда турат бир перизат созулган.
Хороссанда бар бир бекем дарбаза.

Колумда бар жаш кубатым жалындуу,
Алтын да бар, жез дагы бар чачымда.
Пери доошу: жумшак, назик жагымдуу,
Бирок алсыз колум эшик ачууга.
Колумда бар жаш кубатым жалындуу.

Сүйүүдөгү эрдик бекер, ойлонсом,
Кимге керек, ырдайм жана ким үчүн?
Кысканганын Шага такыр койгон соң,
Ал эшикке жетпей койсо же күчүм?
Сүйүүдөгү эрдик бекер, ойлонсом.

Кайра кайткым келет орус жерине,
А Персия сени таштап кетемби?
Кол беремби кош болгун деп периме,
Жандай көргөн үчүн тууган мекенди?
Кайра кайткым келет орус жерине.

Кош бол пери, кош аман бол көргүчө,
Эшигинди ачпай калдым арманда.
Кумар бердин кайра кайткыс өлгүчө,
Ырдайм сени тууган жерге барганда.
Кош бол пери, кош аман бол көргүчө.

Которгон С. Эралиев



* * *

Голубая родина Фирдуси,
Ты не можешь, памятью простыв,
Позабить о ласковом уресе
И глазах, задумчиво простых,
Голубая родина Фирдуси.

Хороша ты, Персия, я знаю,
Розы, как светильники, горят
И опять мне о далеком крае
Свежестью упругой говорят.
Хороша ты, Персия, я знаю.

Я сегодня пью в последний раз
Ароматы, что хмельны, как брага.
И твой голос, дорогая Шага,
В этот трудный расставанья час
Слушаю в последний раз.

Но тебя я разве позабуду?
И в моей скитальческой судьбе
Близкому и дальнему мне люду
Буду говорить я о тебе –
И тебя навеки не забуду.

Я твоих несчастий не боюсь,
Но на всякий случай твой угрюмый
Оставляю песенку про Русь:
Запевая, обо мне подумай.
И тебе я в песне отзовусь...

Жашыл өлкө Фирдоуси турагы,
Өзүң мени чыгарбассың эсиңден,
Ойлоп сылык орус уулу тууралуу,
Жаш элесин кээде өткөрүп көзүңдөн,
Жашыл өлкө Фирдоуси турагы.

Сен Персия, сонун жерсиң, билемин
Шам мисалдуу күйүп турат гүлдөрүн.
Өз өлкөмдү эңсеп оюм-тилегим,
Ошо менен өтүп жатат күндөрүм.
Сен Персия, сонун жерсиң, билемин.

Мен бу жолу акыркы ирет жутамын,
Өрөөнүңдүн жыпар жытын аңкыган.
Шага сенин добушундун мукамын,
Кош айтышып жөнөп жатып калкыңан
Акыркы ирет жүрөк зырп деп угамын.

Айтчы кантип өзүм сени унутам,
Жер кыдырган тагдыр жүгүн көтөрдүм.
Бирок такыр сенсиз өтпөй минутам,
Сен жөнүндө какшап жүрүп өтөрмүн.
Анан айтчы сени кантип унутам?

Бактысыз деп сенден качмак эле ким?
Арнап сенин кейип калчу кезиңе,
Орус ырын таштайм сага – белегим,
Ырдап жатып алсаң мени эсиңе,
Ал ыр менен мен кайрылып келемин.

Которгон С. Эралиев



* * *

Быть поэтом – это значит то же,
Если правды жизни не нарушить,
Рубцевать себя по нежной коже,
Кровью чувств ласкать чужие души.

Быть поэтом – значит петь раздолье,
Чтобы было для тебя известней.
Соловей поет – ему не больно,
У него одна и та же песня.

Канарейка с голоса чужого –
Жалкая, смешная побрякушка.
Миру нужно песенное слово
Петь по-свойски, даже как лягушка.

Магомет перехитрил в Коране,
Запрещая крепкие напитки,
Потому поэт не перестанет
Пить вино, когда идет на пытки.

И когда поэт идет к любимой,
А любимая с другим лежит на ложе,
Влагою живительной хранимый,
Он ей в сердце не запустит ножик.

Но, горя ревнивою отвагой,
Будет вслух насвистывать до дома:
«Ну и что ж, помру себе бродягой,
На земле и это нам знакомо».

Чындыгында акын болсо кесибин:
Бир жеринди кесип туруп өзүңүн
Каның менен эркелетүү дегендик
Өзгөлөрдүн ой, жүрөгүн, сезимин.

Акын болуу – ырдоо бардык үн менен,
Антсе гана алыс кетмек кабары.
Булбул ыры бирөө, башка билбеген
Ошондуктан эч муңайбайт кабагы.

Канарейка туурап сайрайт башканы,
Демек аны болот кантип мактаса.
Бул дүйнөдө ырлар керек жаш, жаңы
Өзүңкүн айт чардасаңда бакача.

Мухамбет да куулук кылып куранда
Ичкиликти арам дептир, а жалган.
Акын ичпей калчу болсо, ыр анда
Келмек кайдан, ичет коркпой ажалдан.

Акын анан ашыгына баратса,
Бирок сулуу башка жанга кучагын
Берген болсо, чыдабай ал жаратка
Ачуу менен албайт кындан бычагын.

Кайтаг артка күйүттө ич тарыган,
Кайтаг артка ойдон өксүп-мүчүгөн:
«Бир мен белем тагдырына таарынган,
Тентип өлсөм мейли» дейт өз ичинен.

Которгон С. Эралиев



* * *

Руки милой – пара лебедей –
В золоте волос моих ныряют.
Все на этом свете из людей
Песнь любви поют и повторяют.

Пел и я когда-то далеко
И теперь пою про то же снова,
Потому и дышит глубоко
Нежностью пропитанное слово.
Если душу вылюбить до дна,
Сердце станет глыбой золотою,
Только тегеранская луна
Не согреет песни теплою.

Я не знаю, как мне жизнь прожить:
Догореть ли в ласках милой Шаги
Иль под старость трепетно тужить
О прошедшей песенной отваге?

У всего своя походка есть:
Что приятно уху, что – для глаза.
Если перс слагает плохо песнь,
Значит, он вовек не из Ширази.

Про меня же и за эти песни
Говорите так среди людей:
Он бы пел нежнее и чудесней,
Да сгубила пара лебедей.

* * *

«Отчего луна так светит тускло
На сады и стены Хороссана?
Словно я хожу равниной русской
Под шуршащим пологом тумана», –

Так спросил я, дорогая Лала,
У молчащих ночью кипарисов,

Ашыктын эки колу – аккуу канат,
Чөмүлөт чачтарымда алтын сары.
Ар кимге сүйүү ырын ырдоо адат,
Мейли алар кайталанса андан ары.

Ырдагам бир убакта мен алыста,
Азар да ырдап жүрөм өзүм аны.
Айрыкча жеңил экен дем алышка,
Айтканда болуп турса сөздүн даамы.
Сүйүүгө төксөң бардык сырларынды,
Жүрөктү алтын кылып келер анын.
А бирок сенин ошол ырларыңды
Жылыптайт тийген күнү Тегерандын.

Шага деп зарлап жүрүп бүтсөм бекен,
Жеңдирип кумарыма түтөп турган?
Же ырдын жанырышын күтсөм бекен,
Же кезби өмүр ансыз бүтө турган?

Жөнү бар бардыгынын, ыгы да бар,
Көз көрсө, кулак бербейт ырастыгын.
Персилер, боло туруп шыгыңар бар
Ырдабай койсоң жалган Шираздыгын.

Эмесе ырды, мени жашырбачы,
Түшүнтүп кишилерге да бир жагын:
Ар дайым назик жана жакшы ырдачу,
Түбүнө аккуу жетти дегин анын.

Которгон С. Эралиев

«Неликтен ай көрсөтөт күнүрт – аздан
Дарагын, дубалдарын Хороссандын,
Орустун талаасында туман баскан
Бараткан окшоп аны карай салдым?»

Сурадым асылкечим Лала жандан,
Түбүндө туруп түнкү кипаристин

Но их рать ни слова не сказала,
К небу гордо головы завывив.

Жан өңдүү менин сөзүм укпай калган,
Тек үнсүз тиктей берди дарак үстүн.

«Отчего луна так светит грустно?» –
У цветов спросил я в тихой чаще,
И цветы сказали: «Ты почувствуй
По печали розы шелестящей».

«Эмнеге алсыз мынча ай нурлары?»
Сурадым гүл-зар жайдан суу бурулган.
Гүл айтты: «Өзүң байка мындан ары
Гүлдөрдүн мунайыңкы шуудурунан».

Лепестками роза расплескалась,
Лепестками тайно мне сказала:
«Шаганэ твоя с другим ласкалась,
Шаганэ другого целовала».

А гүлдөр тажыларын туруп ыргап
Сырларын айтат мага жашырылган:
Шаганэң алда кимди жыттап жыргап
Жатыптыр, жаның болсо шашыл ылдам.

Говорила: «Русский не заметит...».
Сердцу – песнь, а песне – жизнь и тело...»

Ал ойлойт: «сезбейт муну орус жаны...
Жүрөккө – ыр, ырга керек – өмүр, көктөм».

Оттого луна так тускло светит,
Оттого печально побледнела.

Андыктан ай мынчалык күңүрт дагы,
Андыктан ай мунайып карайт көктөн.

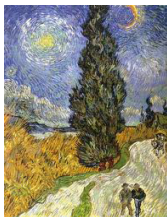
Слишком много виделось измены,
Слез и мук, кто ждал их, кто не хочет

Көп көрдүк аялдардын алдаганын,
Ким каалайт: көз жашты да кейишти да?

Но и все ж вовек благословенны
На земле сиреневые ночи.

Антсе да жактырабыз арбаганын,
Жерде өткөн буурул түндөр бейиш тура.

Которгон С. Эралиев



* * *

Глупое сердце, не бойся!
Все мы обмануты счастьем,
Нищий лишь просит участия...
Глупое сердце, не бойся.

Месяца желтые чары
Льют по каштанам в пролесь.
Лале склонясь на шальвары,
Я под чадрою укроюсь.
Глупое сердце, не бойся.

Все мы порою, как дети,
Часто смеемся и плачем:
Выпали нам на свете
Радости и неудачи.
Глупое сердце, не бойся.

Многие видел я страны,
Счастья искал повсюду,
Только удел желанный
Больше искать не буду.
Глупое сердце, не бойся.

Жизнь не совсем обманула.
Новой напьёмся силой.
Сердце, ты хоть бы заснуло
Здесь, на коленях у милой,
Жизнь не совсем обманула.

Может, и нас отметит
Рок, что течет лавиной,
И на любовь ответит
Песнею соловьиной.
Глупое сердце, не бойся.

Аптыгып жүрөк какчыбы,
Алдандың, жетер мурдагың.
Кайырчы тилейт бактыны,
Урбаган жүрөк урбагың.
Алдандын, жетер мурдагың.

Ай турат саргыч нурларын
Акырын чачып талаага.
Чүмбөтчөн көрүп турганын
Умтулаг жаным Лалага.
Акылсыз жүрөк урбагың.

Биз окшоп дайым балага
Ыйлай да күлө билебиз.
Келиптир биздин таалайга
Кубаныч, кайгы – бир эгиз.
Издебе жүрөк жан айла!

Көп көрдүм өзүм өлкөнү,
Бактыны издеп таппадым.
Азгырбайт эми көп мени,
Үмүттүн даамын татканым.
Акылсыз жүрөк какпагың.

Бул турмуш алдап бүтө элек,
Күч-кубат сенде күчөсүн.
Жүрөк сен укта эртерээк
Жазданып жардын мүчөсүн,
Бул турмуш алдап бүтө элек.

Бизди да балким эскерер
Тагдырлар оттой жагылып.
Сүйүү да анда сөз берер
Булбул ыр болуп жагынып.
Сокпо сен жүрөк жаңылып!

Которгон С. Эралиев

* * *

Голубая да весёлая страна.
Честь моя за песню продана.
Ветер с моря, тише дуй и вей –
Слышишь, розу кличет соловей?

Слышишь, роза клонится и гнётся –
Эта песня в сердце отзовётся.
Ветер с моря, тише дуй и вей –
Слышишь, розу кличет соловей?

Ты – ребёнок, в этом спора нет,
Да и я ведь разве не поэт?
Ветер с моря, тише дуй и вей –
Слышишь, розу кличет соловей?

Дорогая Гелия, прости,
Много роз бывает на пути,
Много роз склоняется и гнётся,
Но одна лишь сердцем улыбнётся.

Улыбнёмся вместе – ты и я –
За такие милые края.
Ветер с моря, тише дуй и вей –
Слышишь, розу кличет соловей?

Голубая да весёлая страна.
Пусть вся жизнь моя за песню продана,
Но за Гелию в тених ветвей
Обнимает розу соловей.

Сен бир өлкө жашыл дагы, шайыр да,
Сага урматым ырлар үчүн сатылган.
Жел деңизде толкундарды жай ырга,
Булбулун ук гүлдү өзүңө чакырган.

Байкап турсаң роза гүлдөр ийилет –
Жүрөгүңө жеткен ыры арнаган.
Жел акырын деңиз бетин сүйүп өт,
Булбулун ук гүл чакырып зарлаган.

Сен – баласың, анда талаш жок бөлөк,
А мен сага акын эмей эмнемин?
Жел акырын толкун учун өт жөлөп,
Булбулдун ук гүл чакырган эрмегин.

Кечир мени, кечир жаным Гелия,
Тирүүлүктө эчен гүлдөр кез келет.
Таазим этип ийилишет баары да,
Бирок жалаң бирин жүрөк эскерет.

Коёлучу биз экөөбүз жылмайып,
Ушул сонун өрөөн үчүн бир жалаң.
Ук булбулду сагынчына ылайык,
Тыным албай гүл чакырып жыргаган.

Сен бир өлкө жашыл, шайыр бу чакта,
Сага урматым ырлар үчүн сатылган.
Гелия үчүн гүлдү кысып кучакка,
Булбул турат бак ичине катынган.

Которгон С. Эралиев



ПРИЛОЖЕНИЕ 2
Стихотворения восточных поэтов
Кайс ибн аль – Мулави
(Маджнун Кайс ибн аль-Муллавах)

Всевышний, падаю во прах перед Каабой в Мекке.
В твоей нуждаюсь доброте, защите и опеке.
Ты правишь небом. Ты царишь над всей земною твердью.
Надеюсь только на тебя, взываю к милосердию.
Любимую не отнимай, яви такую милость!
Ведь без неё душа пуста, вселенная затмилась.
Она – единый мой удел, не ведаю иного.
Твой раб любовью заболел – не исцеляй больного!
Ты можешь всё. Не отступай от воли неизменной.
Любимую не отнимай. Она – твой дар бесценный.
Она – моих бессонных мук причина и основа.
Она – безумный мой недуг. Не исцеляй больного!
Я всё забуду – племя, род, заветный дым кочевья.
Любимую не отнимай. Не требуй отречения.
Ты сам, всеильный, повелел любить, не зная меры.
Зачем от верного слуги, ты требуешь измены?
Ты пожелаешь – я уйду от искушений милых,
Но от любимой даже здесь отречься я не в силах.
В любви не каюсь даже здесь, безумец, грешник слабый,
В священном городе твоём, в пыли перед Каабой.

Что я делаю, безумец, в этот вечер тёмно-синий?
На песке тебя рисую и беседую с пустыней.
Крики ворона услышу – наземь падаю в тоске.
Ветер горя замечает мой рисунок на песке.

Люблю – в пустыне жажда слабей моей любви.
Люблю – иссякли слёзы бессонные мои.
Люблю – молиться бросил, безумьем обуян.
Люблю – не вспоминай Каабу и Коран.

За ту отдам я душу, кого покину вскоре,
За ту, кого я помню и в радости и в горе,

За ту, кому велели, чтобы со мной рассталась.
За ту, кто убоявшись, ко мне забыла жалость.

Из-за неё мне стали тесны степные дали,
Из-за неё противны все близкие мне стали.

Уйти мне иль стремиться к её жилью всечасно,
Где страсть её бессильна, а злость врагов опасна?

О, как любви господство я свергну, как разрушу
Единственное счастье, возвысившее душу!

Любовь даёт мне силы, я связан с ней одною,
И если я скончаюсь, любовь умрёт со мною.

Ткань скромности, казалось, мне сердце облекла,
Но вдруг любовь пробилась сквозь это покрывало.

Стеснителен я, буйства своих страстей мне стыдно,
Врагов мне видно много, зато её не видно.

Исполни лишь одно желание моё – иного нет:
Спаси любимую от горя, убереги от бед.
Мне блага большего не надо, ты щедро одарил
Меня любовью – в ней отрада, спасение и свет.
Пока живу – люблю и верю, надеюсь и терплю, –
Служу единственному богу, храню его завет...

Если на мою могилу не польются слёзы милой,
То моя могила будет самой нищею могилой.

Если я утешусь, если обрету успокоенье, –
Успокоюсь не от счастья, а от горечи постылой.

Если Лейлу я забуду, если буду стойким, сильным –
Назовут ли бедность духа люди стойкостью и силой?

Сказал я спутникам, когда разжечь костёр хотели дружно:
«Возьмите у меня огонь! От холода спастись вам нужно?

Смотрите – у меня в груди пылает пламя преисподней,
Оно – лишь Лейлу назову – взовьётся жарче и свободней!»

Они спросили: «Где вода? Как быть коням, верблюдам,
людям?»

А я ответил: «Из реки немало вёдер мы добудем».

Они спросили: «Где река?» А я: «Не лучше ль два
колодца?

Смотрите: влага чистых слёз из глаз моих всё время
льётся!»

Они спросили: «Отчего?» А я ответил им: «От страсти».

Они: «Позор тебе!» А я: «О нет, – мой свет, моё несчастье!»

Поймите: Лейла – светоч мой, моя печаль, моя отрада,
Как только Лейлы вспыхнет лик, – мне солнца и луны не
надо.

Одно лишь горе у меня, один недуг неизлечимый:
Тоска во взоре у меня, когда не вижу я любимой!

О, как она нежна! Когда сравню с луною лик прелестный,
Поймите, что она милей соперницы небесной.

Затем, что чёрные, как ночь, душисты косы у подруги,
И два колышутся бедра, и гибок стан её упругий.

Она легка, тонка, стройна и белозуба, белокожа,
И, крепконогая, она на розу свежую похожа.

Благоуханию её завидуют, наверно, весны,

Блестят жемчужины зубов и лепестками рдеют дёсны...»

Спросили: «Ты сошёл с ума? А я: «Меня околдовали.
Кружусь я по лицу земли, от стойбищ я бегу по дали.

Успокоитель, – обо мне забыл, как видно, ангел смерти,
Я больше не могу терпеть и жить не в силах я, поверьте!»

С густо-зелёного ствола, в конце ночного разговора,
Голубка прокричала мне, что с милой разлучусь я скоро.

Голубка на ветвях поёт, а под глубокими корнями
Безгрешной чистоты родник бежит, беседа с камнями.

Есть у голубки молодой монисто яркое на шее,
Черна у клюва, на груди полоска тонкая чернее.

Поёт голубка о любви, не зная, что огнём созвучий
Она меня сжигает вновь, сожжённого любовью жгучей!

Я вспомнил Лейлу, услышав голубки этой песнопенье.
«Вернись!» – так к Лейле я воззвал в отчаянье и в
нетерпенье.

Забилось сердце у меня, когда она ушла отселе:
Так бьются ворона крыла, когда взлетает он без цели.

Я с ней простился навсегда, в огонь моё низверглось тело:
Разлука с нею – это зло, и злу такому нет предела!

Когда в последний раз пришли её сородичей верблюды
На водопой, а я смотрел, в траве скрываясь у запруды,

Змеиной крови я испил, смертельным ядом был отравлен,
Разлукою раздавлен был, несчастной страстью окровавлен!

Из лука заблужденья вдруг судьба в меня метнула стрелы,
Они пронзили сердце мне, и вот я гасну, ослабелый,

Отравленные две стрелы в меня вонзились, и со мною
Навеки распростилась та, что любит косы красить хною.

А я взываю: «О, позволь тебя любить, как не любили!
Уже скончался я, но кто направится к моей могиле?

О, если, Лейла, ты – вода, тогда ты облачная влага,
А если, Лейла, ты – мой сон, тогда ты мне даруешь благо,

А если ты – степная ночь, тогда ты – ночь желанной
встречи,
А если, Лейла, ты – звезда, тогда сияй мне издалече!

Да ниспошлёт тебе Аллах свою защиту и охрану.
А я до Страшного суда, тобой убитый не воспряну.

Перевод С. Липкина

**Фирдоуси
Рустем и Зораб
Книга девятая
Третий бой**

III
Тем временем Зораб, с охоты
На место боя возвратясь,
В недоумении стоял и озирался –
Рустема не было. И он не знал,
Дождаться ли его, иль удалиться.
А с неба день уж начинал
Сходить, и тени становились
Длиннее. Но... Зорабов час ударил;
Зораб остался; он подумал:
«Соперник мой меня
Здесь долго утром ждал –
Я вечером его дожждаться должен.
А вечер вышел не таков,
Каким его нам утро обещало,
И солнце село, в небесах

Зарю кровавую оставя.
Но где же он?...» И в этот миг
На зареве заката отразился,
Как тёмный метеор, огромный стан Рустема;
Зораб невольно содрогнулся.
Как будто чародейной силой
Преображённый, чудно
Блещающий, помолоделый,
Представился очам его Рустем.
Он на него глядел в недоуменье
И, не посмея спросить, где он так долго
Промедлил, шепотом сказал: «Должны ли
Мы продолжать? До наступленья ночи
Успеем ли?» – «Успеем», – перебил
Его слова Рустем сурово.
И вышли – яростный отец
На сына с силою двойною
И на отца оторопелый сын
С полуразрушенною силой.
Восходит день, когда нисходит ночь,
Восходит ночь, когда нисходит день, –
Так и теперь настал черёд Рустему.
Вечерней мглою затянувшись,
День удалившийся простёр
Полутуманное мерцанье
Над местом бедствия и крови;
Два воинства стояли там
Безмолвными свидетелями боя.
Но как он был? И что свершилось?
Того ничьё не зрело око...
Они сошлись – и вмиг всему конец;
Рустем рванул – Зораб упал к его ногам;
Рустем давнул – и в грудь Зораба
Глубоко врезался кинжал.

IV

Зораб, смертельно поражённый,
Сказал: «О ты, неверный обольститель!
Такая ль от тебя награда

За то, что был ты мною пощажён?
Ты небылицей о Рустеме,
Ты именем Рустема жизнь мою,
Как вор ночной, украл. Но будь
Ты птицей в воздухе иль рыбою в воде,
Не избежишь, хотя и в гробе
Лежать я буду, мщение от Рустема,
Когда раздастся всюду слух
(А он раздастся скоро),
Что здесь предательский зарезан
Тобою сын Рустема и Темины».
От этих слов затрепетал
Рустем, как будто вдруг ударом грома
Пронзённый с головы до ног.
«Что говоришь ты, сын беды?» –
Воскликнул он. – Скорее отвечай:
Кто твой отец?» – Я сын Рустема и Темины, –
С блеснувшей гордостью на бледном
Лице сказал Зораб. –
Отец мой страж Ирана многославный;
А мать моя краса и слава Семенгама.
И ею был сюда я послан
Отыскивать отца, столь много лет
С нею разлучённого. Чтоб мог
Меня Рустем признать за сына,
Я должен был ему повязку, на прощанье
Им данную Темине, показать;
И чтоб сберечь её верней,
Не на руке, а на груди
Всегда носил я ту повязку;
Открой мне грудь – увидишь сам».
Так говорил он; от страданья
Душа рвалась из Рустема.
Дрожа, как лист, одежду он раскрыл...
И там (увидел он) сидел,
Как жаба чёрная на белых розах,
В груди кинжал, до рукояти
В неё вонзённый, как в ножны.
Его Рустем из раны вынул;

И быстро побежала с жизнью
Струя горячей крови;
И ярким пурпуром её
Рустемова повязка облилася.
Он побледнел, её увидя,
И глухо прошептал,
Как будто задушенный:
«Зораб, ты сын мой... я Рустем!»

Перевод В. Жуковского

**Омар Хайям
Рубай**

Откуда мы пришли? Куда свой путь вершим?
В чем нашей жизни смысл? Он нам непостижим.
Как много чистых душ под колесом лазурным
Сгорает в пепел, в прах, а где, скажите, дым?

Не беспокойся! Путь начертан твой – вчера,
Страстям разрешено играть тобой – вчера.
О чем тебе тужить? Без твоего согласия
Дней будущих твоих уставлен строй – вчера.

Пей! Будет много мук, пока твой век не прожит,
Стечение планет не раз людей встревожит;
Когда умрем, наш прах пойдет на кирпичи
И кто-нибудь себе из них хоромы сложит.

Увы, не много дней нам здесь побыть дано,
Прожить их без любви и без вина – грешно.
Не стоит размышлять, мир этот – стар иль молод:
Коль суждено уйти – не все ли нам равно?

Вопросов полон мир, – кто даст на них ответ?
Брось ими мучиться, пока ты в цвете лет.
Тут, на земле, вином создай Эдем, – в небесный
Не то ты попадешь, не то, мой милый, – нет.

Будь глух к ученому о божьей суесловью,
Целуй кумир, к его прильнувши изголовью.
Покуда кровь твою не пролил злобный рок,
Свой кубок наполняй бесценных гроздий кровью.

Растить в душе побег унынья – преступленье,
Пока не прочтена вся книга наслажденья.
Лови же радости и жадно пей вино:
Жизнь коротка, увы! Летят ее мгновенья.

Скорей вина сюда! Теперь не время сну,
Я славить розами ланит хочу весну.
Но прежде Разуму, докучливому старцу,
Чтоб усыпить его, в лицо вином плесну.

Друзья, бокал – рудник текучего рубина,
А хмель – духовная бокала сердцевина.
Вино, что в хрустале горит, – покровом слез
Едва прикрытая кровавая пучина.

Мы больше в этот мир вовек не попадем,
Вовек не встретимся с друзьями за столом.
Лови же каждое летящее мгновенье, –
Его не подстеречь уж никогда потом.

Когда под утренней росой дрожит тюльпан
И низко, до земли, фиалка клонит стан,

Любуюсь розой я: как тихо подбирает
Бутон свою полу, дремотой сладкой пьян.

Влюбленный на ногах пусть держится едва,
Пусть у него гудит от хмеля голова.
Лишь трезвый человек заботами снедаем,
А пьяному ведь все на свете трын-трава.

Запрет вина – закон, считающийся с тем,
Кем пьется, и когда, и много ли, и с кем.
Когда соблюдены все эти оговорки,
Пить – признак мудрости, а не порок совсем.

Я к гончару зашел: он за комком комок
Клал глину влажную на круглый свой станок.
Лепил он горлышки и ручки для сосудов
Из царских черепов и из пастушьих ног.

На свете можно ли безгрешного найти?
Нам всем заказаны безгрешные пути.
Мы худо действуем, а ты нас злом караешь,
Меж нами и тобой различья нет почти.

С кумиром пей, Хайям, и не тужи о том,
Что завтра встретишь смерть ты на пути своем.
Считай, что ты вчера уже простился с жизнью,
И нынче насладись любовью и вином.

Твои дары, о жизнь, – унынье и туга;
Хмельная чаша лишь одна нам дорога.
Вино ведь – мира кровь, а мир – наш кровопийца,
Так как же нам не пить кровь кровного врага?

Нам с гуриями рай сулят на свете том
И чаши, полные пурпуровым вином.
Красавиц и вина бежать на свете этом
Разумно ль, если к ним мы все равно придем?

Не бойся, о Хайям, что ты заслужишь тут
Мученья вечные в аду за хмель и блуд,
Тому, кто не грешил, не будет и прощенья:
Лишь грешники себе прощение найдут.

Ты все пытаешься проникнуть в тайны света,
В загадку бытия... К чему, мой друг, все это?
Ночей и дней часы беспечно проводи,
Ведь все устроено без твоего совета.

Пред пьяным соловьем, влетевшим в сад, сверкал
Средь роз смеющихся смеющийся бокал,
И, подлетев ко мне, певец любви на тайном
Наречии: «Лови мгновение!» – сказал.

Увы, нас вычеркнет из книги жизни рок,
И смертный час от нас, быть может, недалёк.
Не медли же, саки, неси скорее влагу,
Чтоб ею оросить наш прах ты завтра мог.

Переводы И. Тхоржевского, О. Румера

СААДИ
Газели



В зеркале сердца отражен прекрасный образ твой,
Зерцало чисто, дивный лик пленяет красотой.

Как драгоценное вино в прозрачном хрустале,
В глазах блистающих твоих искрится дух живой.

Воображение людей тобой поражено,
И говорливый мой язык немеет пред тобой.

Освобождает из петли главу степная лань,
Но я захлестнут навсегда кудрей твоих петлёй.

Так бедный голубь, если он привык к одной стрехе,
Хоть смерть грозит, гнезда не вьёт под кровлею другой.

Но жаловаться не могу я людям на тебя,
Ведь бесполезен плач и крик гонимого судьбой.

Твоей душою дай на миг мне стать и запылать,
Чтоб в небе тёмном и глухом сравниться с Сурайей.

Будь неприступной, будь всегда как крепость в высоте,
Чтобы залетный попугай не смел болтать с тобой.

Будь неприступной, будь всегда суровой, красота!

Дабы пленяться пустозвон не смел твоей хвалой.

Пусть в твой благоуханный сад войдет лишь Саади!
И пусть найдет закрытым вход гостей осиный рой.

Перевод В. Державина

Я нестерпимо жажду, кравчий! Скорей наполни чашу нам
И угости меня сначала, потом отдай ее друзьям.

Объятый сладостными снами, ходил я долго между вами,
Но, расставаясь с друзьями, «Прощайте», – молвил прежним
снам.

Перед мечетью проходила она, и сердце позабыло
Священные михраба своды, подобные ее бровям.

Я не онагр степной, не ранен, ничьей петлей не заарканен,
Но от стрелы ее крылатой по вольным не уйду степям.

Я некогда испил блаженство с той, что зовется Совершенство...
Так рыба на песке, в мученьях, тоскует по морским волнам.

До пояса не доставал мне ручей, и я пренебрегал им;
Теперь он бурным и бездонным вдруг уподобился морям.

И я тону... когда ж судьбою я буду выброшен на берег,
О грозном океанском смерче в слезах поведаю я вам.

И вероломным я не стану, и не пожалуюсь хакану,
Что я стражен ее очами, подобно вражеским мечам.

Я кровью сердца истекаю, от ревности изнемогаю,
Так бедный страж дворца рыдает, певцам внимая по ночам.

О Саади, беги неверной! Увы... ты на крючке, как рыба, –
Она тебя на берег тянет; к ней – волей – не идешь ты сам.

Перевод В. Державина

Коль с лица покров летучий ты откинешь, моя луна,
Красотою твоею будет слава солнца посрамлена.

Сбить с пути аскета могут эти пламенные глаза,
А от глаз моих давно отогнали отраду сна.

И давно бразды рассудка уронила моя рука.
Я безумен. Мне святыня прежней истины не видна.

Но Меджнуна не избавит от мучений встреча с Лейли,
Изнурённому водянкой чаша полная не полна.

Тот не искренний влюбленный, кто не выпьет из милых рук
Чашу огненного яда вместо искристого вина.

Как жалка судьба лишённых человечности и любви!
Ведь любовь и человечность – неразрывная суть одна.

Принеси огня скорее и собрание озари!
А с пустых руин налога не потребует и казна.

Люди пьют вино надежды, но надежд они лишены.
Я не пью, душа любовью к ней навеки опьянена.

Саади в себе не волен, он захлестнут петлей любви,
Сбит стрелой, чьим жалом ярость Афрасияба сокрушена.

Перевод В. Державина

Я влюблен в эти звуки, в это сердце мне ранящий стон.
Я беспечен; и день мой проплывает неясно, как сон.

Ночи... Ночи бессонные, в ожиданье моей светлокой,
Но тускнеет пред нею свет, которым весь мир озарен.

Если вновь приведется мне лицо ее нежное видеть –
Сам себя я счастливым буду звать до скончанья времен.

Я – не муж, если скрою свою грудь от камней порицанья,
Муж душой своей твердой, как щитом, от копья огражден.

Не изведав несчастий, не достигнешь заветного счастья,
Кто дождался Навруза, стужу зимнюю вытерпел он.

Хоть жнецы были мудры, но Лейли они тайны не знали.
Лишь Меджнун её ведал, кем был весь урожай их спален.

Сонм влюблённых, что верой и богатством мира играет,
Жатвы не собирает, а неместным добром наделён.

Ты другого арканом уловляй! Мы же – верные слуги,
Ведь не нужно треножить скакуна, что давно приручен.

День вчерашний умчался, ну, а завтра пока не настало.
Саади, лишь сегодня ты и волен в себе, и силен!

Перевод В. Державина

* * *

Тяжесть печали сердце мне томит,
Пламя разлуки в сердце моем кипит.

Розы и гиацинта мне не забыть,
В памяти вечно смоль твоих кос блестит.

Яда мне горше стал без тебя шербет,
Дух мой надежда встречи с тобой живит.

На изголовьё слёзы я лью в ночи,
Днём – ожиданье в сердце моём горит.

Сотнею кубков пусть упоят меня,
В чаши отравы разлука их превратит.

Предан печалям, как палачам, Саади!
Не измени мне, иль пусть я буду убит!

Перевод В. Державина

* * *

Когда б на площади Шираза ты кисею с лица сняла,
То сотни истых правоверных ты сразу бы во грех ввела.

Тогда б у тысяч, что решились взглянуть на образ твой
прекрасный,
У них у всех сердца, и разум, и волю б ты отобрала.

Пред войском чар твоих я сердце открыл, как ворота градские,
Чтобы ты мой город разрушенью и грабежу не предала.

Я в кольцах кос твоих блестящих запутался стопами сердца,
Зачем же ты, блестя кудрями, лучом лица меня сожгла?

Склонись, послушай вкратце повесть моих скорбей, моих
страданий!
Ведь роза, освежась росой, стенанью жаждущих вяла.

Но ветер, погасив светильник, вдаль беспечально улетает,
Печаль светильни догоревшей луна едва ль бы поняла.

Пусть отдан я на поруганье, но я тебя благословляю,
О, только б речь сахарноустой потоком сладостным текла.

Насмешница, задира злая, где ныне смех твой раздается?
Ты там – на берегу зеленом. Меня пучина унесла.

Я пленник племени печалей, но я не заслужил упреков.
Я ждал – ты мне протянешь руку, ведь ты бы мне помочь могла.

При виде красоты подруги, поверь, терпенье невозможно,
Но я терплю, как терпит рыба, что на песке изнемогла.

Ты, Саади, на воздержанье вновь притязашь? Но припомни,
Как притязателей подобных во все века толпа лгала.

Перевод В. Державина

О караванщик, сдержи верблюдов! Покой мой сладкий,
мой сон уходит.
Вот это сердце за той, что скрутит любое сердце, в полон
уходит.

Уходит злая, кого люблю я, мне оставляя одно пыланье.
И полыхаю я, словно пламень, и к тучам в дымах мой стон уходит.

Я о строптивой все помнить буду, покуда буду владеть я речью.
Хоть слово – вестник её неверный, едва придет он и вон уходит.

Приди, – и снова тебе, прекрасной, тебе, всевластной, служить я
стану.
Ведь крик мой страстный в просторы неба, себе не зная препон,
ходит.
О том, как души бросают смертных, об этом люди толкуют
разно.
Я ж видел душу свою воочью: она – о, горький урон! – уходит.

Не должен стоном стонать Саади,— но все ж неверной кричу я:
«Злая!»
Найду ль терпенье! Ведь из рассудка благоразумья канон
уходит!

Перевод К. Липскерова

Я к твоим ногам слагаю все, чем славен и богат.
Жизнь отдам без сожаленья за один твой нежный взгляд.

Счастлив тот, кто облик милый созерцает без конца,
Для кого твоя улыбка выше всех земных наград.

Стан твой – кипарис в движенье, сердце он пленил мое.
Ты, волшебница, по капле в грудь мою вливаешь яд.

Сжался, пери, надо мною. Ради прихоти твоей
Я готов пойти на плаху, – за тебя погибнуть рад.

Ты сияющий светильник. Ослепленный мотылек,
Вспыхну в пламени палящем... и тебя не обвинят.

Я терплю покорно муку, душу выжег мне огонь,
Но уста твои, о пери, исцеленья не сулят.

Саади – властитель мира, но отвергнет царства он, –
Быть рабом у ног любимой мне дороже во сто крат.

Перевод Т. Стрешневой

Из «Бустана»

О справедливости, мудрости и рассудительности

Царь – дерево, а подданные – корни
Чем крепче корни, тем ветвям просторней.

Печали тот испытывает гнет,
Кто власть бездарным в руки отдает.

Велик тот царь, что роскошь презирает,
Но подданных от бедствий охраняет.

Блажен, кто плоть в лишениях влачит,
Не внемля, как она «давай» кричит.

Перевод В. Державина

Х А Ф И З

Газели

В царство розы и вина – приди!
В эту рощу, в царство сна – приди!

Утиши ты песнь тоски моей:
Камням эта песнь слышна! – Приди!

Кротко слез моих уйми ручей,
Ими грудь моя полна, – приди!

Дай испытать мне здесь, во мгле ветвей,
Кубок счастья до дна! – Приди!

Чтоб любовь дотла моих костей
Не сожгла – она сильна! – Приди!

Но дождись, чтоб вечер стал темней!
Но тихонько и одна – приди!

Перевод А. Фета

Душа – лишь сосуд для вмещения ее,
И в зеркале глаз – отражение ее.

Вовек я главы ни пред кем не склонял, –
Ниц падаю в миг приближения ее.

Вам – древо в раю, мне – возлюбленной стан,
Вам – небо, а мне – постижение ее.

Был в мире Меджнун, – мой черед наступил,
Повторна судьба и кружение ее.

Сокровища нег – вот влюбленных страна,
Вся доблесть моя в достижение ее.

Не страшен душе сумрак небытия –
Не видеть бы лишь в унижение ее!

Цветок, в цветнике распустившийся вдруг –
Нежданное преображение ее.

Пусть с виду Хафиз непригляден и нищ,
В груди его – изображение ее.

Перевод В. Звягинцевой

Томлюсь по сладостным устам в мечтах неясных я.
О боже мой, чего хочу для уст прекрасных я?

Любимая! напиток мой – желание тебя, –
И эту чашу сердца пью в ночах безгласных я.

Я от кудрей твоих вовек не оторвусь душой,
Запутался, как соловей, в сетях опасных я.

Какое имя носишь ты, пора бы мне узнать,
Чтоб мог любимую назвать в газелях страстных я.

Об осуждении толпы я мыслю... до любви ль?
Забыл бы все, когда б с тобой был ежечасно я.

Ты сеть сплела из роз ланит, сплела фиалки кос.
Хотела ты, чтоб век грустил о розах красных я.

Хафиз, ищи среди друзей возвышенных услад, –
Есть в дружбе то, чего искал в любви напрасно я.

Перевод В. Звягинцевой

Свершая утром намаз, я вспомнил своды бровей –
И вопль восторга потряс михраб мечети моей.

Терпенья больше не жди, к рассудку впредь не взывай!
Развевал ветер полей терпенье тысячи дней.

Прозрачным стало вино, пьянеют птицы в саду,
Вернулось время любви, – вздохнуло сердце нежней.

Блаженный ветер полей цветы и радость принес.
Приди, невеста любви! Весь мир дыханьем согрей!

Укрась свой брачный покой, – жених ступил на порог.
И зелень, – радость сердец, – сверкает все зеленой.

Благоухает весь мир, – как будто счастьем дышу:
Любовь цветет красотой, что небо вверило ей.

Пускай деревья согнет тяжелый их урожай, –
Будь счастлив, мой кипарис, отвергший бремя скорбей!

Певец! На эти слова газель прекрасную спой!
О том, как счастлив Хафиз, пусть помнит память людей!

Перевод А. Кочеткова

Чашу полную, о кравчий, ты вручи мне, как бывало.
Мне любовь казалась легкой, да беда все прибывала.

Скоро ль мускусным дыханьем о кудрях мне скажет ветер?
Ведь от мускусных сплетений кровь мне сердце заливала

Я дремал в приюте милой, тихо звякнул колокольчик:
“В путь увязывай поклажу!” Я внимал: судьба зывала.

На молитвенный свой коврик лей вино, как то позволил
Старый маг, обретший опыт переправы и привала.

Ночь безлунна, гулки волны. Ужас нас постичь не сможет,
Без поклаж идущих берегом над игрой седого вала.

Пламя страстных помышлений завлекло меня в бесславье:
Где ж на говор злоречивый ниспадают покрывала?

Вот Хафиза откровенье: если страсти ты предашься,
Все отринь – иного мира хоть бы не существовало.

Перевод К. Липскерова

Аромат ее крова, ветерок, принеси мне
И покой, – я ведь болен, – хоть на срок принеси мне!

Для души изнуренной дай хоть малость бальзама,
С доброй вестью о друге хоть пять строк принеси мне.

Взор и сердце в бореньи. С тетивы ее взгляда
И от стрелки-ресницы хоть намек принеси мне.

На чужбине, в разлуке постарел я, – из чаши
Сладкой юности, ветер, ты глоток принеси мне.

Дай ту чашу пригубить всем понурым, но если
Этот будет напиток им не впрок, – принеси мне.

Брось о завтрашнем, кравчий, размышлять, – иль охранный
За печатями рока ты листок принеси мне.

Так над плачущим сердцем пел Хафиз неустанно:
«Аромат ее крова, ветерок, принеси мне!»

Перевод К. Липскерова

День отградных встреч с друзьями – вспоминай!
Все, что было теми днями, – вспоминай!

Ныне верных не встречается друзей, –
Прежних, с верными сердцами, – вспоминай!

Всех друзей, не ожидая, чтоб они
Вспоминали тебя сами, – вспоминай!

О душа моя, в тенетах тяжких бед
Всех друзей ты с их скорбями вспоминай!

И, томясь в сетях настигнувшего зла,
Ты их правды сыновьями вспоминай!

И, когда польются слезы в сто ручьев, –
Зендеруд с его ручьями вспоминай!

Тайн своих, Хафиз, не выдай, – и друзей,
Их скрывавших за замками, – вспоминай!

Перевод К. Липскерова

Кому удел не тлетворный в тлетворных столетьях дан?
Что прочно? – Ладья газелей. Что вечно? – Пьянящий жбан.

Возьми же вина в дорогу, – ведь жизнь не сравнишь ни с чем.
Путь к раю подобен чаше, и мало на нем полян.

Один ли познал я тленность? Ученый, что знает мир,
Постиг и свое бессилье, и знаний вечный изъян

Взгляни же премудрым оком на мудрый, бегущий мир:
Весь мир, все дела мирские, все смуты его – обман.

Достигнуть встречи с тобою мечтала душа моя,
Но смерть на дорогах жизни – грабитель и злой буян.

Всем ведомо: знак, что роком начертан на смертном лбу,
Не смоешь ничем, о смертный, с челом он твоим слиян.

Все зданья падут, разрушась, и травы на них взрастут, –
Лишь зданье любви нетленно, на нем не взрастет бурьян.

Прохожие люди трезвым не встретят меня вовек!
О вечность! Хмельная чаша! Хафиз этой чашей пьян.

Перевод К. Липскерова

Хмельная, опьяненная, луной озарена,
В шелках полурасстегнутых и с чашею вина.

Лихой задор в глазах ее, тоска в изгибе губ,
Хохочущая, шумная, пришла ко мне она.

Пришла и села, милая, у ложа моего:
«Ты спишь, о мой возлюбленный? Взгляни-ка: я пьяна!»

Да будет век отвергнутым самой любовью тот,
Кто этот кубок пенистый не осушит до дна.

Поди же прочь, о трезвенник, вина не отбирай!
Ведь Господом иная нам отрада не дана.

Всё то, что в кубки легкие судьбою налито,
Мы выпили до капельки, до призрачного сна!

Нектар ли то божественный? Простой ли ручеек,
В котором безысходная тоска разведена?

Об этом ты не спрашивай, о мудрый мой Хафиз:
Вино да косы женские – вот мира глубина.

Перевод И. Сельвинского

Не прерывай, о грудь моя, свой славный звездопад:
Удары сердца пусть во мне всю душу раздробят!

Ты скажешь нам: «Тюрчанку ту я знаю хорошо, –
Из Самарканда род ее!» Но ты ошибся, брат:

Та девушка вошла в меня из строчки Рудаки:
«Ручей Мульяна к нам несет той девы аромат».

Скажи: кто ведает покой под бурями небес?
О виночерпий, дай вина! Хоть сну я буду рад.

Не заблужденье ли – искать спокойствия в любви?
Ведь от любви лекарства нет, – нам старцы говорят.

Ты слаб? От пьянства отрекись! Но если сильный трезв,
Пускай, воспламенив сердца, испепелит разврат!

Да, я считаю, что пора людей переродить:
Мир надо заново создать – иначе это ад!

Но что же в силах дать Хафиз слезинкою своей?
В потоке слез она плывет росинкой наугад.

Перевод И. Сельвинского

Одиночество мое! Как уйти мне от тоски!
Без тебя моя душа бьется, сжатая в тиски.

Что ты сделала со мной? Одержим я! Исступлен!
Даже днем я вижу ночь. Впереди меня – ни зги.

О любимая моя! Снизойди ко мне: я слаб.
Будем снова мы вдвоем и по-прежнему близки...

Но, увы, я не один! Сто соперников грозят:
Сто весенних ветерков оплели твои виски.

Виночерпий! Подойди! Ороси пустынный дол.
Белый тополь! Поднимись! Осени мои пески.

Сердце бедное в крови от познания вещей...
Дай хмельного! Без вина мысли горькие низки.

Черным циркулем судьбы круг начертан вокруг меня.
В этом круге точка – я. Пешка шахматной доски.

Но донесся аромат приближенья твоего!
Надо мной опять луна, нет и не было тоски...

Перевод И. Сельвинского

Дам тюрчанке из Шираза Самарканд, а если надо –
Бухару! А в благодарность жажду родинки и взгляда.

Дай вина! До дна! О кравчий! Ведь в раю уже не будет
Муссалы садов роскошных и потоков Рокнабада.

Из сердец умчал терпенье – так с добычей мчатся тюрки –
Рой причудниц, тот, с которым больше нет ширазцу слада.

В нашем жалком восхищенье красоты твоей нет нужды.
Красоту ль твою украсят мушки, краски иль помада?

Красота Юсуфа, знаю, в Зулейхе зажгла желанья,
И была завеса скромной ею сорвана преграда.

Горькой речью я утешен, – да простит тебя создатель! –
Ведь в устах у сладкоустой речь несладкая – услада.

Слушай, жизнь моя, советы: ведь для юношей счастливых
Речи о дороге жизни – вразумленье, не досада.

О вине тверди, о пляске – тайну вечности ж не трогай:
Мудрецам не поддаётся эта тёмная шарада.

Нанизав газели жемчуг, прочитай её, – и небом
В дар тебе, Хафиз, зажжётся звёзд полуночных плеяда.

Перевод К. Липскерова

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

Стихи о Востоке русских поэтов Кыргызстана

Светлана Сулова



Эй, Сорбон!

«Эй, караванщик, замедли ход!
С милой душа моя тоже уйдёт...»

Саади

Где они, каравана следы?..
Через десять веков Саади
Окликает печалью: гляди,
Сколько горя у вас позади!
Сколько счастья, что мимо прошло!
Всё сыпучим песком занесло,
Караванщик, замедли бег!
Исчезает за веком век...

Караванщик стегает коней –
Жизнь вращается спицами дней.
Словно пленница в коробе лет,
Оглянуться не смею в ответ:
Там душа моя, древний поэт,
Плачет, рвётся за мною вослед...

*«...Караванщик, замедли ход!
Жизнь моя с караваном уйдёт,*

*Та душа, что с моей – как одна,
И она исчезает, она...».*

Саади через десять веков
Не ослабил звенящих оков.
Караван затерялся в песках.
Только голос не гаснет в веках, –
Голос, мною любимый до слёз,
Душу ранит падением звёзд:

*– Не спеши, Караваничик, прошу,
Ведь любовь в своём сердце ношу –
Целый мир умещает в груди,
Не губи этот мир, подожди!
Караванчик, замедли ход!
Жизнь моя с караваном уйдёт...*

Вслед любви, ускользнувшей в вечность,
Мир взметнётся песчаным смерчем.

В. Шаповалов



Фирдоуси

Над голодным тифом
И соленой паршой степей
Лунный выкормыш – соловей.
А.Тарковский

Над каламом зябнут руки. Лебедь лебедицу кличет.
Сколько лжи – и сколько муки, суесловья – и величья.
Где ветра мотыжат склоны, мертвым кураём играя,
возникает изумлённо смесь розария и рая.
Героиню и героя через сонмы злоключений
переносит некий гений. Ну и ладно, бог с тобою.
Не приткнуться в том рассказе гнусной правды плагиату –
тусецлепит намиз грязи радужную шахиаду,
беззащитной вещей ложью устилает путь тернистый
к безусловному подножью нищей стаи вечных истин.
Не впервой и не однажды это все в нас отзовется:
у отвыкнувших от жажды зря ли высохли колодцы? –
в самаркандах или римах мир исхоженный огромен
от надежд неизмеримых до измеренных оскомин.
Но – идти, лицо и сердце беззащитно обращая
к человеку (что за средство, что за горький хлеб – я знаю),
за мечтою незакатной, за ее неверным светом...
И не повернуть обратно.
И не пожалеть об этом.

ПРИЛОЖЕНИЕ 4

Глоссарий восточной лексики³⁰

Авеста – литературно-религиозный памятник зороастризма. Датируется примерно VI в. до н. э., содержит древнейшие легенды и предания из мифической истории Ирана.

Азраил – ангел смерти.

Алиф – первая буква арабского алфавита, представляющая собой вертикальную черточку. В персоязычной и тюркской поэзии – символ стройности.

Афрасияб – в иранской мифологии легендарный царь Турана, правитель туранцев – древних кочевых и полукочевых ираноязычных народов Центральной Азии – саков.

Аят – буквально чудо, знамение, знак: так называется каждый стих Корана, поскольку он несет в себе слово божье.

Бейт – в поэзии народов Ближнего и Среднего Востока двустихие в любом поэтическом жанре, которое всегда выражает законченную мысль.

Бостан (Бустан) – 1. Огород для выращивания бахчевых культур; 2. Название книги Саади, таджикско-персидского классика XIII в.

Газель – форма лирической поэзии у народов Ближнего и Среднего Востока, а также Индии и Пакистана. Газель состоит из бейтов (двустихий), количество которых, как правило, от 7 до 12. Начало рифмовки – в первом бейте, в дальнейшем однозвучная рифма идет через строку, т. е. первый стих каждого последующего бейта остается незарифмованным. Схема рифмовки газели: аа, ва, са, да и т. д. В газели применяется и дополнительная рифма, так называемый «редиф» – повторение за рифмой отдельных или группы слов. В последнем бейте зачастую упоминается поэтическое имя (тахаллус) автора. Газель – это как бы ожерелье, где на формальную нить монорифмы и размера «нанизываются» отдельные бейты или их комплексы. Однако по своей художественной структуре газель едина не только формальным построением, но и своеобразным внутренним смысловым звучанием, интонацией передаваемого настроения, часто ломающегося, противоречивого и позволяющего поэтому сочетать кажущиеся на первый взгляд несочетаемые элементы. Кульминация жанра

³⁰ Глоссарий составлен совместно со старшим преподавателем кафедры истории и теории литературы КРСУ А.Р. Галимовой.

газели связана с именем Хафиза, который довёл её до совершенства, придав каждому бейту многомудрую афористичность и великолепную красоту звучания. Газель можно встретить и в европейской поэзии, особенно в немецкой: И. Гёте, Ф. Боденштедта, А. Платена и др. В русской литературе газель использовали А. Фет, В. Брюсов, Вяч. Иванов, М. Кузмин.

Гурия – в мусульманской мифологии вечно непорочная дева, услаждающая правоверных мусульман в раю.

Дал – буква арабского алфавита, имеющая форму завитка; в литературе на фарси и тюрки – символ согнутой фигуры старика.

Дастан – эпический жанр. Распространён на Ближнем и Среднем Востоке, в Средней и Юго-Восточной Азии. Бытует в двух видах: как народное творчество (в жанре сказания), в котором преобладают героические темы в поэтической форме, и литературная обработка сказочных сюжетов, легенд и преданий на романтические и героико-фантастические темы преимущественно в прозе. Однако прозаический текст часто перемежается со стихами – диалогами или монологами.

Дервиши – странствующий мусульманский монах-аскет. Дервиши объединялись в суфийский (см. суфизм) орден. Некоторые из этих орденов (бекташи в Турции) устраивали радения, завершающиеся плясками. Дервишизм первоначально возник в X–XI вв. как своеобразный протест против ортодоксального ислама и, таким образом, против тогдашней действительности. Основным девизом дервишей было познание бога, слияние с ним путем умерщвления плоти, очищения души, отрицания формальных обрядов ислама. Из среды дервишей вышло много поэтов-суфиев. Впоследствии дервишизм выродился. Многие дервиши превратились в обыкновенных попрошаек.

Джинн – сверхъестественное существо, способное вредить человеку. В Коране джинны имеют человеческий облик, хотя и противопоставляются людям. В отличие от людей джинны сотворены из огня и могут перевоплощаться.

Див – популярный мифический образ волшебных сказок многих народов Ближнего и Среднего Востока. В сказках и волшебнo-фантастических дастанах (сказаниях) изображается человекообразным существом огромного роста и безобразной наружности. Дивы служат колдуньям. Так же, как и люди они ведут между собой войны. Чтобы убить дива, нужно завладеть его душой, заключенной в со-

суде и хранимой в труднодоступном месте. Белый див, по преданию, самый грозный из дивов, символ могущества нечистой силы.

Диван – сборник поэтических произведений.

Иблис (Шайтан) – в исламе, ангел, который отказался поклониться Адаму и был изгнан богом из рая.

Изд – синоним бога, творец, создатель.

Имам – 1. Духовное лицо, глава мусульман. При совершении молебнов (намаз) в соборной мечети (по пятницам) имам стоит впереди молящихся; 2. Учитель конфессиональной школы (медресе).

Кааба – храм в священном городе мусульман Мекке (Саудовская Аравия), куда правоверные мусульмане совершают паломничество – хадж, приносят жертвы и поклоняются «черному камню», вделанному в нишу в восточной стене храма. Мусульманин, совершивший паломничество в Мекку, обретает почетное звание «хаджи».

Каба – плащ-накидка, сотканная из верблюжьей шерсти.

Кайс ибн аль-Мулави – арабский поэт VI в., известный по тахаллусу Меджнун (араб. «одержимый»). Его называли так за безумную любовь к Лейли. Сохранились эмоционально-экспрессивные газели Меджнуна, посвящённые Лейли. Легенды о Лейли и Меджнуне послужили материалом для многих произведений Востока. Наиболее известны поэмы Низами, Амир Хосрова Дехлеви, Джами и Алишера Навои.

Касыда – (араб.), жанровая поэтическая форма в литературах народов Ближнего и Среднего Востока, Средней и Южной Азии. Панегирическое стихотворение, восхваляющее какое-либо влиятельное лицо. Формальные признаки: значительный объём (от 20 до 200 бейтов), монорим (рифмовка по системе аа ба ва да...) и трёхчастная композиция.

Кыта – восточная стихотворная форма, для которой характерно наличие от двух до семи, а иногда и более двести стихов, рифмующихся по системе – аb cb db и т.д. Как правило, это философское стихотворение. В отличие от газели, в *кыта* первые две строки не рифмуются между собой.

Лейли и Меджнун – легендарная любящая пара, герои многочисленных литературных произведений на Востоке. *Меджнун* – символ страстной и несчастной любви, его реальный прототип Кайс ибн аль-Мулави, известный арабский поэт VII века. *Лейли* – символ верной и нежной любви.

Медресе – средняя (реже высшая) религиозная мусульманская школа.

Мектеб – название средней общеобразовательной школы у тюркских народов бывшего СССР.

Месневи – (маснави, араб. – двоечное), стихотворная форма в арабо-, персо- и тюркоязычной поэтике. Двустихие со смежной рифмой; произведение, построенное из многих подобных двустихий, каждое из которых имеет свою рифму. Поскольку эта форма употреблялась в основном при создании поэм, термин «месневи» стал обозначать и самый жанр, в котором выделяются по признаку содержания месневи: героические (например, «Шахнаме» Фирдоуси), дидактически-философские (например, поэмы Низами) и романтические (например, «Лейли и Меджнун» Навои).

Михраб (араб. – "святылище"), молитвенная ниша; помещается в обращенной к Мекке стене мечети.

Мусалла – название загородных садов Шираза.

Намаз – ежедневная пятикратная молитва мусульман, считающаяся одним из столпов ислама. Она начинается с призыва муллы из мечети (азана).

Пери – лирический образ иранского и тюркского фольклора и литературы. «Небесная» женщина, необычайной красоты. Реже встречается образ пери-мужчины. Это, как правило, отец, брат или повелитель *пери*.

Редиф – повтор слова или фразы в конце лирического произведения в поэзии Ближнего и Среднего Востока:

Не обольщайся суетой и без забот живи,
Вольнолюбиво дни свои за годом год живи,
И не смотря на тех, кто сыт, доволен и богат,
Средь тех, которые бредут тропой невзгод, живи.

Рудаки

Рокнабад – река, протекающая у Шираза.

Рубаб – струнный музыкальный инструмент (род лютни).

Рубаи – (дубайти, таране) – четверостишие; форма лирической поэзии, широко распространенная на Ближнем и Среднем востоке (наравне с газелью и касыдой). Форма рубаи уходит своими корнями в устное народное творчество таджиков и персов. В письменном виде рубаи существует с 9–10 вв. По содержанию – лирика с философскими размышлениями. Стихотворения состоят из четырех строк (двух бейтов), рифмующихся как ааба, реже – аaaa, и строятся в метре аруза. Наиболее известные авторы рубаи – Омар Хайям, Абу Абдаллах Рудаки.

Руд – струнный музыкальный инструмент.

Саз (сааз) – струнный музыкальный инструмент (род балалайки).

Саманы (Саманиды) – среднеазиатская династия (875–999), возникшая в результате национально-освободительной борьбы против Арабского халифата. Столицей государства Саманидов была Бухара. Саманы возродили древнеиранские культурные традиции и литературу на родном языке фарси. Родоначальник фарсиязычной поэзии Рудаки служил при дворе Саманов.

Симург – мифическая царь-птица, которая воспитала Зала и помогла разрешиться матери Ростема. В фольклоре помогает герою в благодарность за спасение ее птенцов от похищения драконом. *Симург* переносит героя на дальние расстояния или извлекает из подземелья. *Симург* – главный образ поэм таджикско-персидского поэта XIII в. Атгара и узбекского поэта XV в. Навои. Поэмы назывались «Беседа птиц» и «Язык птиц».

Сура – глава Корана. Всего в Коране 114 сур.

Суфизм – религиозно-мистическое течение в исламе, отличающееся аскетизмом и нетрадиционным его толкованием. Берет начало в 9–10 вв., его зачинателем считается Бируни.

Тахаллус – литературный псевдоним поэта фарсиязычной и арабской лирики, обычно помещаемый в последнем бейте газели.

Фарс (в древности *Парс*) – область юго-западной части Ирана. От этого слова произошло название государства Персия – так называли Иран древние греки. Фарс – родина поэтов, имена которых вошли в историю мировой литературы, – Саади и Хафиза.

Шайтан – мусульманское (арабское) название сатаны. По легенде, он был ангелом. Но когда бог сотворил человека и потребовал, чтобы ангелы преклонились перед ним, шайтан отказался. За это он был свергнут в ад.

Шариат – совокупность юридических и религиозных норм, основанных на Коране, мусульманское право.

Шираз – главный город Фарса. Родина Саади и Хафиза.

ПРИЛОЖЕНИЕ 5

БИБЛИОГРАФИЯ³¹

Издания С.А. Есенина

1. Есенин С. Работник просвещения М., 1926.
2. Есенин С. Собр. стих.: В 4-х т. М.-Л.: Госизд, 1926–1927.
3. Есенин С. Избранное. М.: Гослитиздат, 1952.
4. Есенин С. Соч. в 2х т. М.: Гослитиздат, 1956.
5. Есенин С. Стихи, поэмы. Л.: Сов. писатель, 1956.
6. Есенин С. Стихи, поэмы. Хабаровск: Кн. изд-во, 1956.
7. Есенин С. Стихи, поэмы М., Голитиздат, 1957.
8. Есенин С. Избр. произв. Л.: Лениздат, 1957.
9. Есенин С. Соч. в 2х ч. Киев, 1957.
10. Есенин С. Стихи, поэмы. Новосибирск, 1957.
11. Есенин С. Стихи, поэмы. Куйбышев: Кн. изд-во, 1958.
12. Есенин С. Стихи, поэмы. Л.: Сов. Писатель, 1960.
13. Есенин С. Избранное. Алма-Ата, 1960.
14. Есенин С. Собрание соч.: В 5-ти т. М.: Гослитиздат, 1961.
15. Есенин С. Собрание соч.: В 5-ти т. М.: Гослитиздат, 1962.
16. Есенин С. Стихи и поэмы «словесных рек кипение и шорох». Л.: Лениздат, 1965.
17. Есенин С. Стихи, поэмы. М.: Худож. лит., 1965.
18. Есенин С. Избранная лирика. М.: «Мол. гвардия», 1965.
19. Есенин С. Лирика. М.: Худож. лит., 1965.
20. Есенин С. Собрание соч.: В 5-ти т. М.: Худож. лит., 1966.
21. Есенин С. Собрание соч.: В 5-ти т. М.: Худож. лит., 1967.
22. Есенин С. Юбилейный сборник. М.: Просвещение, 1967.
23. Есенин С. «Отчее слово». М.: Сов. Россия, 1968.
24. Есенин С. Персидские мотивы. М., 1968.
25. Есенин С. Собрание соч.: В 5-ти т. М.: Худож. лит., 1968.
26. Есенин С. Стихи, поэмы. Грозный, 1968.
27. Есенин С. Стихи, поэмы. Уфа: Башкнигоиздат, 1968.
28. Есенин С. Стихотворения. М.: Худож. лит., 1969.
29. Есенин С. Избранная лирика. Магадан, 1969.

³¹ В составлении библиографии принимали участие студентки КРСУ М.Ш. Тулепбергенова и С.К. Абакарова.

30. Есенин С. Стихи, поэмы. Мурманск, 1969.
31. Есенин С. Собрание соч.: В 3х т. М.: Правда, 1970.
32. Есенин С. Избранное. Л.: Лениздат., 1970.
33. Есенин С. Стихи, поэмы. Минск, 1971.
34. Есенин С. Стихотворения. Иркутск, 1971.
35. Есенин С. Избранное. Владивосток, 1971.
36. Есенин С. Избранные сочинения. М.: Худож. лит., 1972.
37. Есенин С. Синий май. М.: Дет.лит., 1973.
38. Есенин С. Стихи, поэмы. М.: Худож. лит., 1973.
39. Есенин С. Стихи, поэмы. Калининград, 1973.
40. Есенин С. Стихи, поэмы. Казань, 1973.
41. Есенин С. Стихи, поэмы. Саранск, 1974.
42. Есенин С. Стихи, поэмы. М.: Худож. лит., 1975.
43. Есенин С. Стихи. Рябиновый костер. М., 1975.
44. Есенин С. Сочинения. Ф.: Кыргызстан, 1975.
45. Есенин С. Избранное. Л.: Лениздат., 1975.
46. Есенин С. Плеск голубого ливня. М.: Мол. гвардия, 1975.
47. Есенин С. Стихи, поэмы. М.: Детская литература, 1975.
48. Есенин С. Стихи, поэмы. Махачкала, 1975.
49. Есенин С. Поэма «Анна Снегина». М.: Современник, 1976.
50. Есенин С. Стихи, поэмы. Якутск, 1976.
51. Есенин С. Собрание сочинений: В 3 т. М.: Правда, 1977.
52. Есенин С. За рекой горят огни. М.: Сов. Россия, 1977.
53. Есенин С. Стихи, поэмы. Ставрополь, 1977.
54. Есенин С. Стихи, поэмы. Уфа, 1977.
55. Есенин С. Собрание соч.: В 6-ти т. М.: Худож. лит., 1978.
56. Есенин С. Белых яблонь дым. М.: Сов. Россия, 1978.
57. Есенин С. Стихотворения. М.: Сов. Россия, 1978.
58. Есенин С. Плеск голубого ливня. 2-е изд. М.: «Молодая гвардия», 1978.
59. Есенин С. Стихи и поэма «Несказанное, синее, нежное». Элиста, 1978.
60. Есенин С. Стихи, поэмы. Куйбышев, 1978.
61. Есенин С. Стихи, поэмы. Кишинев, 1979.
62. Есенин С. Стихи, поэмы. Минск, 1980.
63. Есенин С. Стихи, поэмы. Алма-Ата: Жазушы, 1980.
64. Есенин С. Стихи, поэмы. Нальчик, 1980.
65. Есенин С. Соч. Ф.: Кыргызстан, 1980.
66. Есенин С. Волнуясь сердцем и стихом. М.: Сов. Россия, 1981.

67. Есенин С. Стихи, поэмы. М.: Моск. Рабочий, 1981.
68. Есенин С. Стихи, поэмы М.: Худож. лит., 1982.
69. Есенин С. Стихи, поэмы. Ставрополь, 1982.
70. Есенин С. Стихи, поэмы Алма-Ата: Жазушы, 1982.
71. Есенин С. Стихи, поэмы. Свердловск, 1982.
72. Есенин С. Собрание соч.: В 3х т. М.: Правда, 1983.
73. Есенин С. Избранные соч. М.: Худож. лит., 1983.
74. Есенин С. Стихи, поэмы. М.: Правда, 1984.
75. Есенин С. Стихотворения, поэмы, проза. Л., Лениздат, 1984.-
76. Есенин С. Стихотворения, поэмы. Ф.: Мектеп, 1984.
77. Есенин С. Избранное. М.: Худож. лит., 1985.
78. Есенин С. Поэзия, проза. М.: Правда, 1985.
79. Есенин С. Стихи, поэмы. М.: Худож. лит., 1985.
80. Есенин С. Стихи, поэмы. М.: Сов. Россия, 1985.
81. Есенин С. Стихи и проза. Волгоград, 1985.
82. Есенин С. Стихи, поэмы. Тбилиси: Мерани, 1985.
83. Есенин С. Стихи о любви. Сердцу снится май. Пермь, 1985.
84. Есенин С. Стихи, поэмы. Хабаровск, 1985.
85. Есенин С. Лирика. М.: Книга, 1985.
86. Есенин Мой край задумчивый и нежный. М.: Сов.Россия, 1985.
87. Есенин С. Стихи, поэмы. Л.: Сов. Писатель, 1986.
88. Есенин С. Избранное. М.: Просвещение, 1986.
89. Есенин С. Поэмы и стих. М., 1986.
90. Есенин С. Стихи, поэмы. Краснодар, 1986.
91. Есенин С. Плачет где-то иволга. М.: Москов. рабочий, 1986.
92. Есенин С. Стихотворения. М.: Худож. лит., 1987.
93. Есенин С. Лирика. М., 1987.
94. Есенин С. Сочинения. М.: Худож. лит., 1988.
95. Есенин С. Стихи, поэмы. Закружилась листва молодая. Йошкар-Ола, 1988.
96. Есенин С. Стихи, поэмы. Каунас: Швиеса, 1988.
97. Есенин С. Стихи, поэмы. Ярославль, 1988.
98. Есенин С. Лирика, поэмы. Златой посев. М.: Воениздат, 1989.
100. Есенин С. Стихи, поэмы. М.: Мол. гвардия, 1989.
101. Есенин С. Москва кабацкая. М.: Столица, 1990.
102. Есенин С. Собрание соч.: В 2х т. М.: Современник, 1990.
103. Есенин С. Радунца. М.: Книга, 1990.
104. Есенин С. Стихи, поэмы. Л.: Сов. Писатель, 1990.

105. Есенин С. Сочинения. М.: Худож. лит., 1991.
106. Есенин С. Сочинение. М.: Худож. лит., 1991.
107. Есенин С. Собрание соч.: В 2х т. М.: Сов. Россия, 1992.
108. Есенин С. Полн. собр. соч. М., 1995.
109. Есенин С. Избранные стихотворения. М., 1997.
110. Есенин С. Полн. собр. соч. М., 1999.

Научная и критическая литература

1. Белоусов В. Персидские мотивы. М.: Знание, 1968.
2. Веселовский А.Н. Из поэтики розы: Избр. ст. Л., 1939.
3. Ветер с поля Уфа: Башкир.кн.изд-во, 1978.
4. Волков А.А. Художественные искания Есенина. М.: Советский писатель, 1976.
5. В мире Есенина. М., 1986.
6. Воспоминания о Есенине. Сборник. М.: Москов. рабочий, 1965.
7. Есенин С. Сборник статей. Л.: Наука, 1967.
8. Есенин и народная поэзия Л.: Наука, Ленинград.отд-е, 1969.
9. Есенин С. Библиограф. справочник М.: Вышш.школа, 1972.
10. Есенин С. и современность. М.: Современник, 1975.
11. Воспоминания о Есенине. М.: Москов. рабочий, 1975.
12. Есенин С. Сб. статей М.: Современник, 1978.
13. Есенин С. Сб. статей. Рязань: ГПИ, 1979.
14. Есенин С. Худож. мир. Рязань: РГПИ, 1982.
15. Есенин С. Лит. критич. очерк. Тула, 1982.
16. Есенин С. Межвуз. сб. науч. тр. Рязань: РГПИ, 1984.
17. Есенин С. Воспоминания родных М.: Москов. рабочий, 1985.
18. Есенин С. В воспоминаниях современников. М.: Худож. лит., 1986.
19. Есенин С. Справочник. М: Сов. композитор, 1988.
20. Жизнь Есенина. Рассказывают современники. М.: Правда, 1988.
21. Константиновский меридиан М.: Энцикл. рос. деревень, 1992.
22. Кошечкин С.П. Сергей Есенин и его поэзия. Баку: Язычи, 1980.
23. Кошечкин С.П. Раздумье о Есенине. Тбилиси, 1977.

24. *Кулинич А.В.* Сергей Есенин: критико-биографический очерк. Киев, 1959.
25. Литературный вечер: Сергей Есенин. К 90-летию со дня рождения. М., 1985.
26. Моя жизнь. Моя Россия. Мой Есенин М.: Политиздат, 1992.
27. *Наджафов Г.* Балаханский мой. Баку: Гянджлик, 1986.
28. Поэтический мир Есенина М.: Современ. писатель, 1972.
29. Певец России: Очерк творчества С. А. Есенина. Тула, 1992.
30. Родное и близкое. М.: Сов.Россия, 1979.
31. Россия! Сердцу милый край.../ Метод. рекомендации к проведению литературного вечера памяти С. Есенина. М., 1975.
32. Сергей Есенин: диалог с XXI веком. Сборник научных трудов по материалам Международного научного симпозиума, посвящённого 115-й годовщине со дня рождения С.А. Есенина. Москва – Константиново – Рязань, 2011.
33. *Сулова С.Г.* Акварели осеннего неба. Бишкек, 2008.
34. *Тартаковский П.* Русская поэзия и Восток. 1800–1950: Опыт библиографии. М., 1975.
35. *Тартаковский П.* Свет вечерний шафранного края... (Средняя Азия в жизни и творчестве Есенина). Ташкент: Литература и искусство, 1981.
36. *Шапалов В.* В азийском круге. Избранное: Лирика. Поэмы: В 2 т. Бишкек, 2003.
37. *Шукуров Ш.М.* «Шах-намэ» Фирдоуси и ранняя иллюстративная традиция. М, 1983.

Периодика

1. *Аристова С.И.* Сотворческое приобщение к Есенину// Русский язык и литература в школах Кыргызстана, 1995. С. 96–100.
2. *Бельская Л.* Персидские мотивы Есенина и лирика Востока // Учёные записки казахского женского пединститута. Алма-Ата, 1964.
3. *Варич Н.М.* Встреча с поэзией Сергея Есенина // Русский язык и литература в школах Кыргызстана, 1995. С. 90–96.
4. *Земсков В., Хомчук Н.* Есенин и Ширяевец // Русская литература, 1964. № 3.
5. *Земсков В.* Письма в Ташкент // Звезда Востока, 1966. № 6.
6. *Земсков В.* Есенин в Ташкенте // Звезда Востока, 1970. № 12.
7. *Иванов А.* Русский поэт Туркестана // Вечерний Ташкент,

1967, 5 июня.

8. *Койчуев Б.Т.* Восток в творчестве Сергея Есенина: // Русский язык и литература в школах Кыргызстана, 1996. С. 108–118.

9. *Койчуев Б.Т.* Диалог культур в «Персидских мотивах» Сергея Есенина // Русский язык и литература в школах Кыргызстана, 2009. №1.

10. Лучшие сочинения о творчестве С. Есенина: Итоги конкурса // Русский язык и литература в школах Кыргызстана, 2006. № 2. С. 88

11. Шамурзина Р. С. Художественное время и пространство в лирике Сергея Есенина // Русский язык и литература в школах Кыргызстана, 1995. С. 82–90.

12. [Электронный ресурс:] www.reader.boom.ru

13. [Электронный ресурс:] www.russianeurope.ru

14. [Электронный ресурс:] literatura.kg.

15. [Электронный ресурс:] wikipedia.org/wiki.ru.

16. [Электронный ресурс:] az.lib.ru

Творчество С.А. Есенина на киргизском языке

1. Есенин С.А. Моюл: Ырлар. Кенже балдар үчүн / Котор.: С. Жусуев, К. Ырсалиев. Ф.: Мектеп, 1974. 55 б.

2. Есенин С. А. Тандалмалар: Ырлар жана поэмалар / Котор.: С. Эралиев, С. Жусуев. – Ф.: Кыргызстан, 1977. 104 б.

3. Есенин С. Көгүлтүр нөшөр шоокуму: Ырлар, поэма. Өспүрүмдөр үчүн / Котор.: С. Егиналиев. Ф.: Мектеп, 1980. 80 б.

Периодика

1. Есенин С. Ит жөнүндө ыр: Ыр / Котор.: С. Жусуев // Ала-Тоо, 1961. № 9. Б. 74.

2. Есенин С. Карындашым Шурага: Ыр / Котор.: С. Жусуев // Ала-Тоо, 1961. № 9. Б. 76.

3. Есенин С. Качаловдун итине: Ыр / Котор.: С. Жусуев // Ала-Тоо, 1961. № 9. Б. 75–76.

4. Есенин С. Персия мотивдери: Ыр / Котор.: С. Жусуев // Ала-Тоо, 1961. №9. Б. 76.

5. Есенин С. Уй: Ыр / Котор.: С. Жусуев // Ала-Тоо, 1961. №9. Б. 74.

6. Есенин С. Энеме кат: Ыр / Котор.: С. Жусуев // Ала-Тоо, 1961. №9. Б. 74–75.

7. Есенин С. Ит жөнүндө ыр / Котор.: С. Жусуев // Орус мейкини. Фрунзе, 1962. Б. 89–92.
8. Есенин С. Карындашым Шурага: Ыр / Котор.: С. Жусуев // Орус мейкини. Фрунзе, 1962. Б. 94–95.
9. Есенин С. Качаловдун итине: Ыр / Котор.: С. Жусуев // Орус мейкини. Фрунзе, 1962. Б. 93–94.
10. Есенин С. Персия мотивдери: Ыр / Котор.: С. Жусуев // Орус мейкини. Фрунзе, 1962. Б. 96–97.
11. Есенин С. Уй / Котор.: С. Жусуев // Орус мейкини. Фрунзе, 1962. Б. 92.
12. Есенин С. Энеме кат: Ыр / Котор.: С. Жусуев // Орус мейкини. Фрунзе, 1962. Б. 92–93.
13. Есенин С. Персия күүлөрү: Ыр / Котор.: Э. Турсунов // Ленинчил жаш, 1965. №121 (13-октябрь). Б. 4.
14. Есенин С. Көгөргөн кечте, ай толгон кечте; Энеме кат: Ыр / Котор.: Р. Рыскулов // Ала-Тоо, 1967. №10. Б. 126–127.
15. Есенин С. Ырлар / Котор.: Ш. Келгенбаев // Ленинчил жаш, 1967. №70 (16-июнь). Б. 4.
16. Есенин С. Жыйырма алты жөнүндө баллада: Ыр / Ж. Абдыкалыков // Кыргызстан пионери, 1968. №76 (20-сентябрь). Б. 1.
17. Есенин С. Түшүнөм мен: Ыр / Котор.: К. Жолдошбеков // Лениндик туу, 1968. №98 (17-август). Б. 4.
18. Есенин С. Ырлар / Котор.: Ш. Келгенбаев // Кыргызстан маданияты, 1968. №28 (10-июнь). Б. 10.
19. Есенин С. Ак куу: Чакан поэма / Котор.: Ш. Келгенбаев // Ленинчил жаш, 1969. №93 (7-август). Б. 3.
20. Есенин С. Кленум менин түлөгөн, муз тонгон; Эскерем; Бир өткөн сон болбойт тура кайрылуу / Котор.: Р. Рыскулов, Ж. Молдалиев // Ленинчил жаш, 1969. №49 (24-апрель). Б. 3.
21. Есенин С. Аялга кат: Ыр / Котор.: С. Жусуев // Ленинчил жаш, 1970. №118 (3-октябрь). Б. 4.
22. Есенин С. Аялга кат: Ыр // Элдик Трибуна, 1970. №39 (4-октябрь). Б. 4.
23. Есенин С. Энеме кат: Ыр / Котор.: Б. Жумабаев // Коммунисттик эмгек, 1970. №86 (18-июль). Б. 4.
24. Есенин С. Фарсы кайрыктары: Ыр / Котор.: Э. Турсунов // Кыргызстан маданияты, 1973 (18-октябрь). Б. 11.
25. Есенин С. Ак куу: Ыр / Котор.: С. Жусуев // Жаш ленинчи, 1974. №8. Б.

26. Есенин С. Жылдыздар; Түн; Жаңы кар; Чоң энинин жомогу; Бул эмне?; Моюл; Кайың; Кутмандуу болсун күнүңөр: Ыр / Котор.: С. Жусуев // Кыргызстан пионери, 1974 (5-май).
27. Есенин С. Жаңысындай дүйнөнөн: Ыр / Котор.: Б. Абакиров // Нарын правдасы, 1975 (27-август).
28. Есенин С. Ит жөнүндө ыр: Ыр / Котор.: Ж. Абдылдаев // Ленинчил жаш, 1975 (29-ноябрь).
29. Есенин С. Энеме кат: Ыр / Котор.: К. Бобулов // Мугалимдер газетасы, 1975 (10-сентябрь).
30. Есенин С. Кечки убакта шүүдүрүм: Ыр / Котор.: Т. Молдобаев // Ленинчил жаш, 1976 (10-февраль).
31. Есенин С. Персия кайрыктары: Ыр / Котор.: С. Акматбекова // Ала-Тоо, 1976. №6. Б. 93–95.
32. Есенин С. Кош бол досум, көрүшкөнчө кайрадан...: Ыр / Котор.: Т. Арыков // Кыргызстан маданияты, 1977 (10-февраль). Б. 14.
33. Есенин С. Персия кайрыктары: Ыр / Котор.: С. Эралиев // Кыргызстан маданияты, 1977 (14-апрель). Б. 8–9.
34. Есенин С. Энемдин каты: Ыр / Котор.: Б. Жумабаев // Ысык-Көл правдасы, 1978 (15-апрель).
35. Есенин С. Апамдан келген кат: Ыр / Котор.: Т. Элеманов // Кыргызстан маданияты, 1985. №40 (3-октябрь). Б. 7.
36. Есенин С. Дайрадан туман бууланып...; Энинин бактысы; Жылкы: Ыр / Котор.: С. Жусуев // Кыргызстан маданияты, 1985. №40 (3-октябрь). Б. 7.
37. Есенин С. Кара киши: Поэма / Котор.: С. Акматбеков // Кыргызстан аялдары, 1985. №9. Б. 16.
38. Есенин С. Моюл; Кайың; Ит жөнүндө ыр; Уй; Түн: Ыр // Кыргызстан пионери, 1985 (4-октябрь).
39. Есенин С. Түбөлүккө калган тартип ушул окшойт...: Ыр / Котор.: Т. Бойбулов // Жеңиш туусу, 1985 (13-июль).
40. Есенин С. Анна Ахматова: Ыр / Котор.: С. Айдыралиева // Демилге, 1989 (14-октябрь).
41. Есенин С. Чынар терек: Ыр / Котор.: Ж. Абдылдаев // Ленинчил жаш, 1989 (26-январь).
42. Есенин С. Чынар терек; Карындашым Шурага: Ыр / Котор.: Д. Калназаров // Демилге, 1989 (29-август).
43. Есенин С. Энеме кат: Ыр / Котор.: Д. Калназаров // Ала-Тоо таңы, 1990 (21-апрель).
44. Есенин С. Айттың Саади бил акын...: Ыр // Асаба, 1992. №46

(10-декабрь). Б. 5.

45. Есенин С. Кыз келбетүү асылзат...; Гей Русум, бир боор мекеним...; Таштадым бир боор үйүмдү...; Баратты таң атканы...; Босфордо такыр болбогом...; Өкүнбөймүн, чакырбаймын, ыйлабайм... : Ыр / Котор.: Д. Калназаров // Кыргыз маданияты, 1992. №52 (24-декабрь). Б. 6

46. Есенин С. Чиркөөнүн майрам коңгуроосу: Ыр / Котор.: А. Мураталиев // Кырчын, 1992. №11. Б. 16.

47. Есенин С. Ак кептером; Булак шылдыры; Кышкы бороон; Күтүү; Баалай бил: Ыр / Котор.: А. Мураталиев // Ош жаңырыгы, 1993 (9-октябрь).

48. Есенин С. Аялга кат: Ыр / Котор.: Ж. Жанызак // Аалам, 1994. №11 (апрель). Б. 5.

49. Есенин С. О муза, энчик досум; Сонор карды кечип барамын; Ойгот мени эртең-эрте: Ыр / Котор.: Р. Рыскулов // Кыргызстан акыйкаты, 1994. №7 (сентябрь). Б. 4.

50. Токтомушев А. Есенин эмнеден өлдү? // Кыргыз руху, 1995. №2 (21-июль). Б. 4.

51. Есенин С. Бир орунда теминген: Ыр / Котор.: Р. Рыскулов // Кыргыз руху, 1998. №11 (10–15-апрель). Б. 6.

52. Есенин С. Шаганем, жаным шагане..., Саады өпчү деп төшүмдү..., Босфорунда болбогомун эгерим..., Кызыл күүгүм каптап чөлкөмдү..., Хороссанда көркөм үйлөр көп эле... : Ыр / Котор.: Э. Өскөналы уулу // Кыргыз Туусу, 1998. №129 (13-октябрь). Б. 11.

53. Есенин С. Коштошуу: Ыр / Котор.: Ч. Болсуналиев // Заман Кыргызстан, 1999 (13-август). Б. 6.

54. Есенин С. Персия кайрыктарынан: Ыр / Котор.: С. Жусуев // Аалам, 2001. №45 (19–25-декабрь). Б. 8.

55. Есенин С. Персия кайрыктары: Ыр / Котор.: С. Жусуев // Кыргызстан маданияты, 2002. №5 (июль). Б. 9.

56. Есенин С. Персия кайрыктары: Ыр / Котор.: С. Жусуев // Кыргызстан маданияты, 2002. №12 (декабрь). Б. 7.

57. Дүйшөнбаева А. Сергей Безруков – Есенин: Рукопись // Эркин-Тоо, 2005. №91 (15-ноябрь). С. 15.

58. Есенин С. Фарсы кайрыктары: Ыр / Котор.: К. Култегин // Кыргыз Туусу, 2006. №31 (25–27-апрель). Б.23.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Часть I. «Персидские мотивы» С.А. Есенина: диалог культур ..	5
§1. Путь С. Есенина к Востоку	5
§2. Синтез традиций русского и восточного поэтического слова	9
§3. «Персидские мотивы» С. Есенина на киргизском языке	33
Часть II. Материалы для учебной и научной работы	35
Приложение 1. Стихотворения С.А. Есенина	35
Не жалею, не зову, не плачу	35
Эта улица мне знакома	35
Собаке Качалова	37
Персидские мотивы	38
Персия кайрыктары	38
Улеглась моя былая рана	38
Жан кыйнабай менин сыркоом мурдагы	38
Я спросил сегодня у менялы	39
Ушул бүгүн мен сурадым сараптан	39
Шаганэ ты моя, Шаганэ!	40
Шаганэм, менин Шаганэм!	40
Ты сказала, что Саади	41
Саади төштөн өпчү деп	41
Никогда я не был на Босфоре	42
Мен эч качан көргөнүм жок Босфорду	42
Свет вечерний шафранового края	43
Саргыч күрөң өрөөн жакта күүгүмдө	43
Воздух прозрачный и синий	44
Ава таза, тунук көгүш түспөлдө	44
Золото холодное луны	44
Өсүмдүктөр өзгөртпөгөн өз көгүн	44
В Хороссане есть такие двери	46
Хороссанда бар мындай бир дарбаза	46
Голубая родина Фирдуси	47
Жашыл өлкө Фирдоуси турагы	47
Быть поэтом – это значит то же	48
Чындыгында акын болсо кесибин	48
Руки милой – пара лебедей	49
Ашыктын эки колу – аккуу канат	49
Отчего луна так светит тускло	49

Неликтен ай көрсөтөт күңүрт – аздан	49
Глупое сердце, не бойся!	51
Аптыгып жүрөк какчыбы	51
Голубая да весёлая страна	52
Сен бир өлкө жашыл дагы, шайыр да	52
Приложение 2. Стихотворения восточных поэтов	53
Кайс ибн аль – Мулави	53
Всевышний, падаю во прах перед каабой... ..	53
Что я делаю, безумец, в этот вечер... ..	53
Люблю – в пустыне жажда слабей... ..	53
За ту отдам я душу, кого покину вскоре... ..	54
Исполни лишь одно желание моё... ..	54
Если на мою могилу не польются слёзы... ..	54
Сказал я спутникам, когда разжечь... ..	55
С густо-зелёного ствола... ..	56
Фирдоуси Рустем и Зораб	57
Омар Хайям	60
Откуда мы пришли? Куда свой путь вершим?	60
Не беспокойся! Путь начертан твой – вчера	60
Пей! Будет много мук, пока твой век... ..	60
Увы, не много дней нам... ..	60
Вопросов полон мир... ..	61
Будь глух к ученому о боге суесловью	61
Растить в душе побег унынья – преступленьё	61
Скорей вина сюда! Теперь не время сну	61
Друзья, бокал – рудник текучего рубина	61
Мы больше в этот мир вовек не попадем	61
Когда под утренней росой дрожит тюльпан	61
Влюбленный на ногах пусть держится едва	62
Запрет вина – закон, считающийся с тем	62
Я к гончару зашел: он за комком... ..	62
На свете можно ли безгрешного найти?	62
С кумиром пей, Хайям, и не тужи о том	62
Твои дары, о жизнь, – унынье и туга	62
Нам с гуриями рай сулят на свете том	63
Не бойся, о Хайям, что ты заслужишь тут	63
Ты все пытаешься проникнуть в тайны света	63
Пред пьяным соловьем, влетевшим в сад	63
Увы, нас вычеркнет из книги жизни рок	63

Саади. Газели	64
В зеркале сердца отражен прекрасный образ	74
Я нестерпимо жажду, кравчий!	65
Коль с лица покров летучий ты откинешь	66
Я влюблен в эти звуки	66
Тяжесть печали сердце мне томит	67
Когда б на площади Шираза	68
О караванщик, сдержи верблюдов!	69
Я к твоим ногам слагаю все	69
Из «Бустана». О справедливости, мудрости и рассудительности	70
Хафиз. Газели	70
В царство розы и вина – приди!	70
Душа – лишь сосуд для вмещения ее	71
Томлюсь по сладостным устам	72
Свершая утром намаз	72
Чашу полную, о кравчий!	73
Аромат ее крова, ветерок, принеси мне	73
День отрадных встреч с друзьями	74
Кому удел не тлетворный	75
Хмельная, опьяненная, луной озарена	75
Не прерывай, о грудь моя!	76
Одиночество мое! Как уйти мне от тоски!	76
Дам тюрчанке из Шираза Самарканд	77
Приложение 3. Стихи о Востоке русских Поэтов Кыргызстана ...	79
Светлана Сулова. Эй, Сорбон!	79
Вячеслав Шаповалов. Фирдоуси	81
Приложение 4. Глоссарий восточной лексики	82
Приложение 5. Библиография	87
Издания С.А. Есенина	87
Научная и критическая литература	90
Творчество С.А. Есенина на киргизском языке	92

Койчуев Бахтияр Турарович
«ПЕРСИДСКИЕ МОТИВЫ» С.А. ЕСЕНИНА
ДИАЛОГ КУЛЬТУР:
Учебно-научное пособие

Редактор: Е.М. Кузичева
Компьютерный набор: А.Р. Галимова
Компьютерная верстка: А.Ю. Шабалин

Подписано в печать 12.07.2012
Формат 60 x 84 1/16 Офсетная печать
Объем 6,25 п. л. Тираж 100 экз. Заказ 91

Издательство КРСУ
720000, Бишкек, ул. Киевская, 44

Отпечатано в типографии КРСУ
720048, Бишкек, ул. Горького, 2